

18+

Олим Бабаев

**ВЫКОРМЫШ
ГОРНЫХ ТЭНГҮ**

Олим Бабаев

Выкормыш горных тэнгу

«Издательские решения»

Бабаев О.

Выкормыш горных тэнгу / О. Бабаев — «Издательские решения»,

Однажды в твои руки попадает старый дагеротип, ломающий законы истории. Эксперты в тупике: снимок подлинный, но его существование невозможно. Ты начинаешь расследование — и оказываешься в центре заговора, уходящего корнями в эпоху самураев. Твоя собственная жизнь оказывается ложью, а от твоих действий теперь зависит судьба российского престола и исход войны Босин. Готов ли ты взять в руки катану, чтобы найти свою любовь, спасти мир и узнать, кто ты на самом деле?

© Бабаев О.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Ускользающая тень прошлого	9
Двумя годами ранее	13
Глава 2. Дагеротип	18
Глава 3. Навстречу судьбе	24
Глава 4. Нефритовая заколка	29
Глава 5. Таинственный артефакт	35
Глава 6. Белый сёгун	45
Глава 7. Призраки Инасамуры	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Выкормыш горных тэнгу

Олим Бабаев

*«Истинная храбрость заключается в том, чтобы жить, когда
правомерно жить, и умереть, когда правомерно умереть».*

Дайдодзи Юдзана из «Начальных основ воинских искусств»

© Олим Бабаев, 2026

ISBN 978-5-0070-5503-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

— Коля, пойдём скорее! — Семилетняя Амала дёрнула за рукав мальчишку помладше. — Воспитательница рассказывает старшим про командора Сайго и медальон судьбы. Пропустим самое интересное!

— Отстань, — фыркнул Коля, не отрывая глаз от панели управления роботом. — Сказки для девчонок. Не до них сейчас.

— Это не сказки! — возмутилась Амала. — Это про Землю. Про наш родной дом!

— Ой-ой... — передразнил мальчишка. — Муси-пуси, спасите голубую планетку! Меня уже тошнит!

— Дурак! — буркнула девочка и швырнула в него ромашкой.

Но через пару секунд они оба уже смеялись как ни в чём не бывало. Переглянулись — и бросились бежать. Конечно, не к воспитательнице, а в густые заросли сине-фиолетовой подлунницы, растущей у самой беседки. Там, спрятавшись в перламутровом облачке светящейся пыльцы, они отлично слышали, о чём говорят взрослые.

В эту ночь, в фазе противостояния двух лун, подлунная звезда сияла особенно ярко и надёжно скрывала детей от посторонних глаз.

Строгая вожатая госпожа Накано рассказывала древнюю, как мир, историю:

...Ночь дышала жаром, как разгоряченный зверь. Бумажные створки содрогались под напором ветра, будто пытаясь удержать тайну, что вырывалась наружу.

О-Мацу вскинулась на постели, пальцы вцепились в шелковое покрывало. Сердце колотилось, выстукивая странный ритм — чужой, не этого времени. В ушах всё ещё звучал тот голос, пробирающий до костей:

«Ты полюбишь белого сёгуна¹... Родишь сына русскому императору...»

Она провела ладонью по лицу — кожа горела, будто её касались раскалённым металлом. Этот сон, словно проклятье, повторялся вновь и вновь: тёмная дорога среди кедров, запах крови и пороха, и он — Сайго Такамори². Великан с густыми чёрными бровями, чьи глаза отражали пламя давно погасших битв. В могучей руке, закованной в сталь, сверкала нефритовая заколка, холодный блеск которой проникал прямо в душу...

Годы текли, как шёлк между пальцев.

Теперь девушка стала майко — «танцующей жемчужиной» школы гейш Фудзико-сан. Каждое утро начиналось с мўки — чашка горького чая и острое лезвие голоса строгой наставницы:

«Ты машешь веером, как крестьянка мотыгой! — старшая гейша била тростью по её запястьям. — Ты должна двигаться, как утренний туман над озером. Быть тенью желания, а не его криком!»

О-Мацу кланялась, пряча дрожь в глубине поклона. Но по ночам, когда город засыпал, она мочила слезами подушку, задавая одни и те же вопросы ночной пустоте:

«Почему именно я? Что он хочет от меня? Какой страшный долг я должна оплатить?»

Скоро. Уже совсем скоро. Только бы не растеряться. Майко будут готовиться к эрикаэ. На следующей неделе О-Мацу позволят сменить ученический красный внутренний воротник на полностью белый. Рукава кимоно станут короче, открывая нежные запястья — как положено гейше. Юная особа завяжет свой пояс оби классическим тайко-мусуби — узлом в форме

¹ СёгунСуществительноеВоенный верховный правитель в средневековой Японии

² Сайго Такамори (Таканага) — один из наиболее влиятельных самураев в японской истории, один из ключевых лидеров периода Реставрации Мэйдзи. Входит в число «Трёх великих героев» эпохи.

барабана-тайко. Теперь девочка-подросток станет взрослой женщиной. Пришло время беззаботной майко превратиться в важную гейшу. Осталось лишь пройти через ритуал мидзуагэ...

Весь Нагасаки гудел, как потревоженный улей. На улицах, в чайных, в кухнях богатых домов — везде только и слышалось:

«Русский цесаревич прибыл!»

«Белый сёгун сошёл на берег!»

Эти слова ударили О-Мацу в грудь, как удар самурайской катаны. Девушка замерла, чувствуя, как земля уходит из-под ног. В ушах зазвучал знакомый шёпот: «Вот он... Твой рок...»

Тот вечер должен был стать обычным испытанием. Но судьба распорядилась иначе.

Зал тонул в дымке благовоний. Мужчины в странных европейских костюмах громко смеялись, разливая сакэ. И только один сидел особняком — высокий, бледный, с глазами цвета осеннего неба. Во взгляде молодого мужчины читалась вся тяжесть мира.

Когда их глаза встретились, О-Мацу почувствовала, как что-то горячее разливается по жилам. Это было сильнее страха, сильнее стыда, сильнее разума.

— Твой данна³, — прошептала хозяйка, указывая ей место рядом с ним. — Не каждая гейша может мечтать о таком покровителе. Иди.

Мужчина улыбнулся — робко, как ребёнок, впервые увидевший море.

— Привет, — сказал гость на чужом языке, но девушка всё поняла. — Я... не говорю по-японски.

О-Мацу не ответила. Взяла кото⁴ и ударила по струнам. Пальцы сами заиграли старинную мелодию о любви, потерянной в бурных водах Цугару.

Важный господин закрыл глаза. Когда последний звук растаял в воздухе, покровитель прошептал:

— Ты словно ласкала мою душу.

...Время пролетело, как легкий весенний ветерок. Секунды, часы, дни растаяли, как первый робкий снег.

Судьба подарила им ночь, полную страсти. И одно, единственное, мгновение счастья.

Они почти не говорили. Их языком стали прикосновения: как мужские и в то же время нежные пальцы трепетали, снимая шпильки с девичьих волос; как она закусывала губу, когда горячее дыхание шептало «аиситэру»⁵; как их движения сливались в единый ритм.

Ночью, когда гость уже ушёл, разразилась страшная гроза.

Молнии рвали небо на части. В одном ослепительном всполохе О-Мацу увидела Сайго, стоящего под дождём в полном боевом облачении. Доспехи его дымились лёгким паром, словно он только что шагнул сквозь пекло иной эпохи. Рука самурая протягивала знакомую нефритовую заколку.

«Не противься судьбе», — прошелестел голос в её сознании.

Раскат грома. Хлопок двери. На полу лежал свёрток. Девушка долго не решалась поднять с пола аккуратно сложенный кусок ткани. Сердце её бешено колотилось, но пальцы, преодолевая дрожь, всё же развернули шёлк. И взору предстала та самая нефритовая заколка. На белоснежной ткани, словно брызги крови, был вышит один единственный иероглиф: «Судьба».

Амала закрыла братцу ладошками уши...

Между тем рассказчица продолжала:

Данна вернулся.

³ Данна — это богатый покровитель, меценат в японской культуре, который спонсирует гейшу. Он оплачивает её расходы, например, на покупку кимоно, танцевальные уроки и другие затраты, связанные с профессией.

⁴ Кото — японский щипковый музыкальный инструмент, длинная цитра с подвижными кобылками. Относится к традиционным японским музыкальным инструментам.

⁵ «Аиситэру» — японская фраза, которая переводится как «я тебя люблю» или «я люблю тебя». Это выражение передаёт глубокие чувства привязанности и любви.

Ни слов, ни объяснений. Только страсть — жарче пламени, ярче молний.
Любовники слились, как два потока, обречённые соединиться в вечности.
За стенами бушевала гроза, но их тела рождали собственный шторм.
Когда он вошёл в неё, она закричала — не от боли, а от озарения.
Это было предначертано. Это было неизбежно.
Перед рассветом в мужскую ладонь легла нефритовая заколка.
— Возьми частицу моей души, — прошептала О-Мацу.
Камень коснулся губ — и в тот миг нечто навсегда перетекло от неё к нему.
Утром он ушёл.

А в тёмной воде чаши для умывания отразилась уже не девушка, а женщина, познавшая своё предназначение. На шее алел след от поцелуя — как печать рока.

Утро пришло безжалостным, пронизывающим ветром с моря. Белый сёгун шёл, не оглядываясь, с прямой спиной — несмотря на тяжесть грядущего.

Его корабль уплывал на север, унося часть её души. Но в зеркале отражалась уже не девочка, а женщина, в чьих глазах горело знание: семя будущего уже пустило корни в её чреве.

А на столе, где ещё сохранился запах его духов, на белоснежной ткани кровью горела надпись — судьба. Заколки не было. Только иероглиф — молчаливое свидетельство того, что пророчество начало сбываться. Заколка, унесённая на север, и иероглиф, оставшийся на юге, стали двумя половинками ключа. Ключа, который спустя полтора века должен будет повернуть некто, в чьих жилах смешалась кровь двух империй...

В густых зарослях подлунницы воцарилась тишина. Коля вытер ладонью мокрую от слёз щёку. Амала, забыв о насмешках над «сказками для девчонок», продолжала сжимать его руку. Где-то высоко над ними, в чёрном небе меж двух лун, мерцала крошечная голубая точка — та самая, родная, проклятая и прекрасная планета, где всё это случилось.

— Всё? — шёпотом спросил мальчик.

Амала лишь покачала головой. Она уже знала — это только начало.

Глава 1. Ускользящая тень прошлого

Белая «Тойота Аурис» мягко затормозила у станции синкансэн⁶ «Хиросима». Двери распахнулись почти одновременно — из машины вышли двое.

Молодой человек лет тридцати, в идеально отглаженном тёмно-сером костюме, нервно поправил галстук. Его спутница — изящная японка в бежевых широких брюках и клетчатом свитере, нарочито мешковатом, будто прячущем от чужих глаз девичью грацию, — лениво зевнула, копаясь в сумке.

— Ты уверен, что он согласился встретиться? — спросила она, выуживая из недр сумочки мятую пачку сигарет.

Ника взглянул на часы и скривил лицо:

— Если верить его письму, у нас ещё есть несколько минут...

Зазвонил телефон, оборвав его на полуслове.

Голос в трубке звучал напряжённо, как будто говоривший оглядывался через плечо, опасаясь преследования.

— Имамото-сан... Вы... Вы одни?

— Конечно, сэнсэй⁷! Ну, то есть... Со мной ассистентка...

Старик на другом конце провода фыркнул — парень представил, как тот потирает переносицу:

— Ладно. Встретимся в бамбуковой роще Сагано. Это в западном пригороде Киото, её легко найти. Только помните — никаких записей! Ни полиции, ни прессы, ни...

— Сэнсэй, — перебил Ника, — я же писал о самурайском кодексе чести! Вы же читали мою книгу о восстании Сацума⁸. Помните? Вы же сами нас учили, что учёному важна только правда.

В трубке раздался вздох:

— Приезжайте. И захватите зонты. В Киото дожди.

Звонок оборвался, оставив в воздухе ощущение недоговоренности. Молодой человек замер, сжимая телефон в потной ладони, пока Юко нетерпеливо переминалась с ноги на ногу.

— Ну что? — Она закусила нижнюю губу, оставив на ней бледный след.

— Едем в Киото, — ответил он, резко поворачиваясь к станционному зданию.

В воздухе витал запах жареных моти⁹ и выхлопных газов, смешиваясь с ароматом свежесваренного кофе из ближайшего киоска. Молодой человек поднял воротник пиджака, ощущая, как холодная капля дождя скользнула по его шее. Ускорив шаг, пара поспешила к станции.

Чёрный куб вокзала Минамоа, казалось, вторил осенней хандре, опустившейся на город. Уже который день накрапывал противный холодный дождь, и вид мрачного серого ноябрьского неба совершенно не располагал к хорошему настроению. У колонн привокзальной площади стояло несколько автобусов, привлекавших туристов узнаваемыми видами купола атомного взрыва и замка Хиросимы. Вот только любования на печальную картину последствий людской глупости сегодня и не хватало.

⁶ Синкансэн — высокоскоростная сеть железных дорог в Японии, предназначенная для перевозки пассажиров между крупными городами страны. Принадлежит компании Japan Railways (JR).

⁷ Сэнсэй дословно переводится как «учитель», «мастер». Так обозначают человека, обладающего глубокими знаниями и опытом в определённой сфере — будь то искусство, наука, спорт или философия.

⁸ Сацумское восстание (29 января — 24 сентября 1877) — антиправительственное восстание нетитулованной аристократии в Японии под руководством Сайго Такамоори. Также называется война Сэннан.

⁹ Моти — японский вид рисового теста, из которого готовят традиционный десерт — маленькие шарики с начинкой внутри. Текстура моти одновременно нежная, упругая, тягучая и слегка липкая.

— Ника! Ну, здравствуй, старый зануда. Ты чего здесь? — вдруг раздался знакомый голос друга. — Куда ты пропал? А мы вот с сестрой и племянниками собираемся отдохнуть в Сига Коген. Говорят, новый спуск там — просто огонь!

— Сколько же у тебя племянников? — Ника заглянул в свою сумку и протянул для двух очаровательных мальчишек по конвертику с шоколадным тайяки. — Скажи, на лыжи встать больше хочешь ты или эти чудные ребятишки?

— Вы же знаете своего друга, Ника, — сестра его старого приятеля Асано улыбнулась и натянула вязаную лыжную шапку брата ему на лицо. — Сам, сколько помню, пропадал в горах, теперь и моих мальчишек пристрастил к горным лыжам. Ой, а ты не хочешь нас познакомить со своей девушкой?

— Юко! — опередив Нику, протянула руку его помощница. — А мы едем в Киото, и, к сожалению, только по делам...

— Надеюсь, вы позаботились о билетах заранее, — Асано пожал руку Юко и скрытно показал другу большой палец. — В выходные к кассам синкансэна не подобраться, словно всё население Земли решило посмотреть на Хиросиму, а сами хиросимцы — сбежать куда подальше.

Поболтав ещё пару минут с другом и его весёлым семейством, Ника с ассистенткой пожелали им приятного отдыха и направились к платформам.

До прибытия поезда оставалось ещё минут пятнадцать, и пока Юко покупала в киоске бенто¹⁰, Ника молча стоял рядом, вцепившись в поручень, словно он был якорем в мире, который внезапно начал ускользать. Асано, его сестра, шумные мальчишки — всё это было как фотография за стеклом. Яркое, живое, настоящее. А он стоял по ту сторону.

Ника не заметил, как мысли унесли его прочь от вокзального шума.

Семья. Одно слово — и пустота в груди.

У Асано есть сестра, племянники, родители, тёти, дяди... Целая сеть, в которой он — прочный узел. А у него? Прочерк в графе «родители». Ноль. Чёрная дыра на месте прошлого.

Ноэру... Или Ника? Оба имени — ненастоящие. Первое дали в приюте — «поле», чистое, нейтральное, как белый лист. Второе он выбрал сам, пытаясь ухватиться за что-то твёрдое. Но это не спасало. Он — как дерево без корней: стоит, листья зеленеют, но любой ветер грозит его повалить.

Подкидыша воспитала история. Книги, свитки, пожелтевшие письма — вот его настоящие родители. Он знает родословную князей Сацумы наизусть. А про себя — ничего. Он может часами рассказывать о бусидо — но чей он самурай? Кому он присягнул? Ради чего живёт?

Он стал историком, чтобы раскапывать правду о прошлом. Оказалось, что свою копать страшнее. Каждый раз, когда он подбирается ближе, земля осыпается. И он снова в яме. В трясине, где он навсегда — полукровка.

А что это значит? Половина — японец. Вторая — призрак. Безродный европеоид в стране, где родословная — это всё. Его внешность — это и дар, и проклятие. Она привлекает любопытные взгляды девушек, а за спиной он слышит шёпот «гайдзин». Он — экзотический персонаж из сентиментального фильма. Картинка. Модная вещица. Но за этим восхищением всегда скрывается та же дистанция. «Ты не наш», — слышал он в каждом взгляде. «Всегда чужой».

Иногда он завидует тем самураям, о которых пишет. У них был господин, клан, долг. Даже смерть имела смысл. А он — часть чего? Какому клану он служит?

И стоит ли ввязываться в историю с сэнсэем? Ради «правды»? А если её нет? Если он — ошибка, которую стёрли со всех страниц?

¹⁰ Бэнто — японский термин для однопорционной упакованной еды. Традиционно бэнто включает рис, рыбу или мясо и один или несколько видов нарезанных сырых или маринованных овощей в одной коробке с крышкой.

А Юко... Партнёр? Или охотник? В её взгляде иногда мелькает расчёт. Будто он для неё не человек, а артефакт. Исторический персонаж. Интересный, но не живой.

Может, сэнсэй в Киото даст ответ...

Нет. Лучше не надеяться.

Правда, скорее всего, — это ещё одна закрытая дверь. Или подтверждение: он — никто. Полукровка в буквальном смысле — наполовину человек, наполовину призрак.

Он резко оторвался от поручня, почувствовав лёгкий толчок в бок. Юко, приподняв бровь, протягивала ему коробочку с бенто.

— Ты в порядке? — спросила она. — У тебя лицо как у призрака. Уже жалеешь, что согласился на эту авантюру?

— Нет, — Ника взял коробочку, и его пальцы на мгновение сомкнулись на её руке. — Просто задумался. О корнях. О том, что у одних они есть... а у других — только вопросы.

— Корни — это скучно, — флегматично заметила Юко, откусывая онигири¹¹. — Они удерживают на месте. А нас с тобой, профессор, ждёт целый бамбуковый лес в Киото и старик, который боится собственной тени. Разве это не интереснее?

— Только не для меня, — Ника шагнул к платформе, где уже замедлял ход белоснежный поезд. — Пора ехать. Нас ждёт история.

— Места 14А и В, — Юко протянула билеты, специально коснувшись его пальцев.

Салон встретил их прохладой и тихим гудением кондиционеров. За окном поплыли индустриальные пейзажи Хиросимы, постепенно сменяющиеся сельскими видами.

— Знаешь, — девушка достала из сумочки зеркальце и чуть подправила макияж, — я вчера смотрела передачу про Россию. Там рассказывали о Кунсткамере...

Ника стиснул зубы. Она делала это снова — словно чувствовала его одержимость этой страной.

— Юко... — Он отложил палочки. — Мы должны поговорить.

Но в этот момент поезд влетел в тоннель, и грохот, несмотря на отличную шумоизоляцию вагона, заглушил его слова. В темном окне отразилось его лицо — не японское и не европейское... Из темноты на него смотрел полукровка.

Ника закрыл глаза и ещё раз прокрутил в голове вчерашний сон.

Сон, в котором он бродит по широким залам с колоннами, где пахнет воском и духами, где люди говорят на русском языке. Он видит себя в военном мундире среди людей с холодными глазами и прямыми спинами. Как кадры кинохроники, мелькают дворцы, покрытые снегом, и женский силуэт в соболиной шубке. Дама машет ему рукой и улыбается сквозь слёзы. А потом — грохот, выстрелы, крики, и всё исчезает в белом тумане...

— Ника? Ты в порядке? — помощница смотрела на него с тревогой.

Он кивнул, делая вид, что проверяет заметки на телефоне. Но на экране случайно открылась фотография — он сам вчера в русской шапке-ушанке, купленной на распродаже.

«Сумасшедший. Ученый-историк, который верит в зов крови. В мистические совпадения. В то, что какая-то старая фотография может изменить судьбу»

Поезд вынырнул из тоннеля, и внезапно выглянуло солнце, словно предупреждало о приближении к древней столице.

— Скоро приедем, — сказал молодой человек, хотя на самом деле думал: «Скоро все изменится».

¹¹ Онигири — блюдо японской кухни из пресного риса, слепленного в виде треугольника или шара.

Юко молча кивнула, и в глазах девушки мелькнуло что-то, что полукровка предпочел не замечать. О ней он больше не думал.

Поезд мчался, как стрела, рассекая пространство между прошлым и настоящим. За окном мелькали затопленные рисовые поля, сверкающие на солнце, словно разбитое зеркало.

Юко обиженно ткнула пальцем в стекло, похоже, понимая, что ей не удаётся достучаться до босса, когда поезд снова вынырнул из тоннеля. Ника вдруг со всей ясностью понял, зачем ассистентка навязалась в поездку — не хотела мириться с ролью помощницы. У девушки на босса явно имелись другие виды. Он горько пожалел о своей минутной слабости — той, что позволила ей сесть в этот вагон.

Не то чтобы он её отвергал. Юко красива. Умна. Сильна. В другой жизни у неё были бы все шансы.

Но не сейчас.

Его мысли принадлежали другой. Той, что приходила в снах. Той, чьё лицо он не мог вспомнить, но чьё дыхание чувствовал на своей коже.

За окном замелькали первые признаки Киото — рекламные щиты, мосты через реку Камо, силуэты храмов. Путешествие подходило к концу.

И начиналось что-то новое.

Профессора Накамуру Ника знал слишком хорошо — почитал как отца, которого у него никогда не было. Еще студентом он замирал на его лекциях, затаив дыхание, когда сэнсэй оживлял страницы истории. Позже, в тиши университетской библиотеки, он перечитывал его статьи в «Вестнике Национального музея истории Японии» до тех пор, пока иероглифы не начинали плясать перед глазами. Именно Накамура пробудил в нем страсть к эпохе Реставрации Мэйдзи¹² — тому времени, когда самураи еще умирали красиво, а не превращались, как сегодня, в серую массу офисного планктона.

¹² Реставрация Мэйдзи, также известная как обновление Мэйдзи или революция Мэйдзи, — комплекс политических, военных и социально-экономических реформ в Японии в 1868—1889 годах. Эти преобразования превратили отсталую аграрную страну в одно из ведущих государств мира.

Двумя годами ранее

Окно его кабинета выходило во внутренний двор университета. Молодой профессор истории, уникал, получивший звание доктора наук в свои неполные тридцать, подошёл к нему и потянулся, впервые за неделю заметив выпавший снег.

Наконец-то он сдался. Старый университетский приятель Асано всю неделю жужжал ему в ухо, расхваливая новый горнолыжный склон. В итоге Ника капитулировал и договорился о двухнедельном отпуске в Нагано.

Ника с тоской посмотрел на аккуратно собранный накануне рюкзак. До встречи с Асано на вокзале — чуть больше часа. «Горные лыжи... — мысленно поморщился он. — Идеальный способ мёрзнуть и ломать ноги». Но Асано был настойчив, а отказать старому другу он не умел. Пришлось смириться.

«Полукровка» — это прозвище, которое он давно принял, — бросил взгляд на мощный рабочий компьютер. Рука сама потянулась к сумке для ноутбука... но он одёрнул себя.

— Ха, хорошая шутка, — сам себе ответил Ника. Русское «держи карман шире» идеально подходило к ситуации. — Асано уже пообещал лично конфисковать любой гаджет. Только горы, только отдых. И точка.

Смирившийся со своей участью, он повернулся к постеру на стене — рекламе нового фильма о Синсэнгуми. Суровый взгляд нарисованного самурая будто спрашивал: «Куда это ты?»

— Придётся тебе, любезный друг, постоять в карауле без меня, — с лёгкой иронией произнёс Ника, изобразив почтительный поклон, будто перед настоящим командиром. — Держи оборону. Вернись через две недели — и возьмёмся за новую главу.

Видимо, нежелание ехать было написано у Ники на лице слишком крупными буквами, и Небо, сжалившись, послало спасительного гонца в образе профессора Накамуры. Сэнсэй прибыл с ясной миссией: сообщить, что в планы высших сил не входит видеть полукровку покорителем горных трасс.

Вычислить полукровку для киотского профессора оказалось делом пяти минут. Один звонок декану — и вуаля! О дружбе Ники с Асано на факультете и так ходили легенды, а уж о блоге господина Ватанабэ, целиком посвящённом горным лыжам, знал, кажется, каждый. Так что и без дедуктивных навыков Шерлока Холмса профессор Накамура справился великолепно.

Ника заметил учителя сразу. Он стоял у турникетов, прислонившись спиной к бюро дежурного по станции.

— Имамото-сан, дорогой Ника! — Профессор выглядел слегка озадаченным, но глаза его искрились. — Как прекрасно, что мир тесен, а в нём есть интернет. Господин Ватанабэ, вы удивлены, что я читаю ваш блог? Не будь я вашим подписчиком, ваш друг лишился бы чести внести поистине неоценимый вклад в историческую науку.

В ответ Асано лишь развёл руками. В его глазах Ника мгновенно прочитал тихую скорбь альпиниста, похоронившего мечту о покорении новой вершины — в данном случае мечту сделать из друга чемпиона по горным лыжам.

— Прости, Асано, — с фальшивым надрывом начинающего актёра произнёс полукровка. — Похоже, и в этом году мне не суждено стать звездой твоего блога. Я дал слово сэнсэю, что он всегда может на меня рассчитывать. А тут, судя по всему, наклеивается сенсация.

— Ватанабэ-сан, даю слово: первый лайк и комментарий под вашими новыми фото всегда будут моими! — Профессор Накамура, несмотря на солидный возраст, радовался как ребёнок, заполучивший редкую конфету. — Так что выкладывайте чаще эти восхитительные виды со склонов Нагано! Вдохновляйте нас, простых смертных!

Уже в своей старенькой «Хонде» сэнсэй протянул Нике фото страницы из учётной книги храма Кокутайдзи — того самого, где в две тысячи двадцатом профессор Накамура установил подлинность самурайских доспехов Кондо Исами. Почти выцветшая запись тушью на пожелтевшей бумаге указывала на местонахождение предсмертного стиха легендарного командира Синсэнгуми.

— Так, значит, мы всё равно едем в горы? — полукровка принялся набивать в навигаторе префектуру Тояма. — Тот храм ведь в горах Хида, профессор?

— Небо никогда не ошибается, — сэнсэй повернул ключ зажигания, и машина плавно тронулась с места. — Высшие силы, Имамото Ника, нас ждут не в горах. Киото. Мы едем в древнюю столицу, мой друг.

— Как я понимаю, самого стиха в Кокутайдзи¹³ нет? — молодой историк не мог не заметить дрожь в руках старика. — Сэнсэй, давайте я сяду за руль. До Киото путь не близкий. Так что же со стихами?

Профессор притормозил у обочины, и они поменялись местами. «Хонда» под новым водителем будто воспряла духом, сбавив возраст лет на двадцать, и уверенно набирала скорость.

— Согласно записи, документ был передан в дар храму в шестьдесят восьмом году, — старик покопался в бардачке и извлёк оттуда смятую, почти пустую пачку сигарет. — О, кажется, одна завалилась. Я ведь, Ника, давно бросил — кашель замучил. Но иногда, когда нервы сдают, ужасно хочется. Не возражаете?

Ника молча утопил прикуриватель и приспустил своё окно.

— То есть, самого документа в храме вы не нашли?

— Высоко в горах я нашёл старика — бывшего садовника из Кокутайдзи, — сэнсэй глубоко затянулся, наполняя салон густым облаком табачного дыма. — Он служил там, когда отец нынешнего настоятеля ещё пачкал пелёнки. Дед древний, но память — как у первокурсника, зубрящего даты. Так вот, он вспомнил, что один из прежних монахов ему рассказывал: документ тот передал храму некто, назвавшийся выкормышем горных тэнгу. Говорят, был молод и... как бы помягче... не слишком похож на японца.

— Гайдзин¹⁴? — Ника нахмурился. — Варвар. Полукровка. Прямо как я.

— Ника, не устаю вам удивляться, — профессор Накамура затушил окуроч. — Почему вы так заиклены на своей внешности? Разве разрез глаз определяет суть человека? Хотя в вашем случае выходит, что да — вы своих «типичных» коллег далеко позади оставили. Ладно, не об этом речь. Так вот, тот самозванный тэнгу велел хранить листок вместе со священными текстами. А на прощание и вовсе ошарашил монахов, сказав, будто спустя много лет высокий чиновник Ямаока Тэссю передаст в дар те самые доспехи.

— Вы хотите сказать, что предсмертный стих Кондо Исами появился в храме раньше его доспехов? — Ника отхлебнул минералки из бутылки. — Вот бы взглянуть на этого выкормыша. Что-то подсказывает, что с юмором у парня полный порядок. Хотя... Погодите-ка... Разве не Ямаока Тэссю сопровождал императора Мэйдзи в той поездке по Тояме?

— И именно тогда, и именно он передал доспехи Кондо в дар храму! — профессор Накамура сорвался в надсадный кашель. — Давно собираюсь к врачу, да всё никак... Так представьте же, как изумились монахи, когда пророчество сбылось!

Выходит, артефакт всё-таки перекочевал в Киото? — Ника взглянул на стрелку бензобака и взял левее, к сияющей вывеске заправки.

¹³ Кокутайдзи — буддийский храм в городе Такаока префектуры Тояма в Японии. Это один из центров школы дзэн-буддизма Риндзай.

¹⁴ Гайдзин — это сокращение японского слова гайкокудзин, которое переводится как «иностранец» или «человек из внешней страны». В просторечии может употребляться грубая сокращённая форма гайдзин, которая является сабэцуёго (дискриминационным словом).

— Судьба — дама с причудами, — с лёгкой усмешкой протянул сэнсэй кредитку. — Так вышло, что монах, получивший перевод, не расстался с той самой книгой. Теперь она ждёт нас в Рёан-дзи.

— Лучшего финала для этой поездки и представить нельзя, — живо отозвался Ника, открывая дверь. — «Храм Покоящегося Дракона»¹⁵ и бамбуковая роща... Идеальное место, чтобы найти стихи, написанные перед смертью.

Профессорская «Хонда», хоть и старая, но почти четыре сотни километров пути проглотила, даже ни разу не чихнув. Уже подъезжая к западному пригороду Киото, где располагался знаменитый храм Рёан-дзи, историки сошлись во мнении, что неизвестный даритель стихотворения Кондо, назвался именем горного духа не зря. Без мистики в этом деле не обошлось.

Настоятеля храма — худошавого старика с чётками в руках, историки нашли на веранде созерцания, с которой открывался вид на таинственный сад камней.

Веранда, опоясывающая зал медитаций, гудела, как потревоженный улей.

Десяток туристов — кто молча, кто вполголоса — толпились у края, разгадывая ребус древнего зодчего.

Профессор Накамура и настоятель молча стояли у дальней колонны, где шум был не таким назойливым.

Ника прислонился к стене в двух шагах от них, словно рассеянно оглядывая толпу, но его взгляд методично скользил по лицам.

— ...И, насколько я понимаю, архивы того периода могли бы пролить свет... — голос Накамуры звучал почтительно, но настойчиво.

Настоятель, лицо которого избороздили морщины, словно высохшие русла горных рек, медленно покачал головой.

— Годы Тайсё... Память — ненадёжный свиток, профессор. А бумажные свитки... — он замолчал, и в его глазах мелькнула скорбь. — В двадцатом году Сёва¹⁶ в старом хранилище случился пожар. Огонь — великий уравнитель: он обращает в пепел и грехи, и память. Записи о переводах монахов, инвентарные книги начала века... Всё вознеслось дымом и растворилось в небесной пустоте.

Ника заметил, как плечо профессора слегка опустилось. Тупик.

— Возможно, вы слышали о личных вещах? — не сдавался Накамура. — Особенно о молитвеннике. Тот монах из Кокутайдзи мог привезти его с собой.

— Молитвенник — не музейный экспонат, — мягко, но твёрдо ответил настоятель. — Это продолжение молитвы. Когда душа отправляется в новое странствие, ветхую одежду оставляют у порога. Я не помню ни лица, ни имени того человека. А уж о его книге... Простите, помочь не могу.

Внезапно периферийное зрение Ники уловило движение.

Не в толпе — туристы застыли в благоговейном оцепенении.

А ближе. У края веранды.

Его внимание привлёк молодой парень в ярко-оранжевой куртке с надписью «SHIGA KOGEN»¹⁷.

Он делал вид, что снимает резной карниз, но угол обзора телефона был направлен на профессора и настоятеля.

Поза — расслабленная, но спина напряжена, как у кошки перед прыжком.

¹⁵ «Храм покоящегося дракона» — это храм Рёан-дзи в районе Укё города Киото, Япония. Он принадлежит к ветви Мёсин-дзи дзэн-буддийской школы Риндзай-сю.

¹⁶ Двадцатый год эпохи Сёва — это 1945 год, который стал последним в период правления императора Сёва (Хирохито) с 25 декабря 1926 года по 7 января 1989 года.

¹⁷ «Сига Когэн» («Плоскогорье Сига») — японский горнолыжный курорт, расположенный в префектуре Нагано, на территории национального парка Дзёсинэцу Когэн, рядом с посёлком Яманюти.

Интересно, — холодно заметил Ника. — Не похож на туриста. Слишком уж его заинтересовала их беседа.

Он не шелохнулся, лишь позволил взгляду блуждать по саду камней и будто случайно возвращаться к оранжевому пятну.

Парень, почувствовав внимание, сделал пару бессмысленных кадров и медленно скрылся в потоке у выхода.

А тем временем разговор у колонны принял неожиданный оборот.

— ...И всё же, — настоятель понизил голос до шёпота, — если вами движет искреннее намерение, а не любопытство учёного, есть одно место. Старая тропа в роще Сагано.

— В глуши, у мостика через ручей, когда-то стояла хижина. Говорят, там жил провидец Теракуто¹⁸.

Его глаза смотрели сквозь профессора — вглубь веков.

— Это место сохранило отголосок его дара. Существует поверье: тот, кто умоется водой у основания моста, может обрести... не ответ, но намёк. Ясность. Теракуто направлял самураев к их судьбе. Может быть, он укажет путь и учёному — к его истине.

Ника мгновенно сопоставил факты:

выкормыш горных тэнгу¹⁹... бамбуковая роща Сагано... провидец...

...и странный «турист» в оранжевой куртке с логотипом курорта, на который он так и не съездил.

Всё это напоминало сюжет фантастического триллера.

Настоятель учтиво поклонился:

— Мне жаль, что стены монастыря не дали вам ответа. Но иногда стены — это тупик, а ручей — путь. Да пребудут с вами терпение и удача.

Когда он скрылся в храме, Накамура тяжело вздохнул и подошёл к полукровке.

— Ну что ж. Остаётся надеяться на милость призрака. Пойдём искать ручей?

Ника кивнул, но его взгляд был прикован к главным воротам, где мелькнула и исчезла оранжевая вспышка.

— Пойдёмте, сэнсэй. Только, похоже, у нашей экспедиции неожиданно появился зритель. — Он слегка усмехнулся. — И наш «любитель лыж», судя по всему, очень хочет, чтобы мы думали, что он именно этим и занимается.

Несолоно хлебавши, историки покинули Храм Спящего Дракона.

Теперь их путь лежал к бамбуковой роще — от безмолвных камней Рёан-дзи²⁰ к живой, шепчущей воде в овянном легендами лесу.

И, как теперь знал Ника, за ними тянулась чужая, невидимая тень.

Таинственный шёпот бамбуковых деревьев, устремившихся в осеннее серое небо, сумрак аллей и тревожный скрип дощатых мостков — всё это возбуждало и без того разыгравшееся воображение молодого историка.

Загадочное оранжевое пятно больше не появлялось, но внутреннее чутьё подсказывало полукровке: он где-то здесь. Бродит по тенистым аллеям и наблюдает из глубины рощи. Разведчик мифических тэнгу — никак не иначе. Что-то в этом предсмертном послании коман-

¹⁸ Теракуто — японский буддийский монах-отшельник, который, согласно некоторым источникам, сделал пророчество будущему императору Николаю II в 1891 году во время его путешествия по Японии.

¹⁹ Тэнгу — это сверхъестественные существа из японской мифологии, которые ассоциируются с горами, лесами и отшельниками. Они обладают двойственной природой: могут быть как опасными проказниками, так и мудрыми покровителями.

²⁰ Сад камней Рёан-дзи — один из самых известных садов в стиле карэ-сансуй (сухого ландшафта) в Японии, расположенный в храме Рёан-дзи в Киото. Он включён в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО и считается шедевром японского паркового искусства.

дира «Волков Мибу»²¹ было такое, что не желало привлекать к себе внимания. Прямо мистика какая-то!

К счастью, один из служителей парка знал о Теракуто и направил их вверх по дорожке, уходившей вправо от пруда Соджэн. Грунтовая тропа вывела исследователей к бойкому ручью, через который был перекинут простой деревянный мостик, почерневший от времени и влаги.

— Имамото-сан, честь обмыть лицо в водах таинственного ручья предоставляю вам, — сэнсэй, похоже, не шутил. Или заостенелая спина попросту не давала профессору наклониться. — Прошу, Ника. Возможно, это ваш звёздный час. История будет вам благодарна.

Ледяная вода обожгла кожу, но холода Ника не почувствовал. Напротив, внутри прошла тёплая, почти обжигающая волна от ощущения мистической тайны. Ему даже показалось, что в мерцающих бликах он видит смутные черты слепого провидца...

Внезапно в поле зрения попала яркая оранжевая вспышка. Тот самый загадочный молодой человек выходил из-за поворота тропы и направлялся прямо к ним.

— Вы правда ищете монаха, переведённого из Кокутайдзи? — парень в оранжевой куртке остановился в паре шагов и вполне добродушно улыбнулся. — Я его потомок в пятом поколении. И, кажется, знаю, какую именно книгу вы ищете.

²¹ Мибу — это маленькая деревушка, которая стала постоянной базой отряда. «Волки Мибу» — вначале презрительное, а затем боязливо-уважительное прозвище Шинсенгуми — военных полицейских сёгуната.

Глава 2. Дагеротип

Синкансэн прибыл в Киото минута в минуту. Профессор Накамура не обманул: улицы древней столицы заливал осенний ливень. Ника и Юко раскрыли зонты, но, пока добежали до стоянки такси, косой дождь и брызги из-под ног насквозь промочили им штанины до колен.

Капризная погода словно намекала: тайны истории не сдаются без боя. Ника привык к этому. Каждый бастион прошлого ему приходилось брать штурмом, превращаясь из кабинетного учёного в некое подобие самурая-исследователя.

И сейчас капризная дама по имени История показала профессору Имамото лишь кончик нити из запутанного клубка. Куда она вела, знало, пожалуй, только само Небо. Снова путь, снова загадки, ребусы и шаткие мостки через трясину неизвестности. Неизменным оставалось лишь одно: любое приключение не обходилось без участия знаменитого киотского историка — профессора Накамуры.

Память ещё хранила воспоминания о поисках того самого нашумевшего предсмертного стихотворения Кондо Исами. Пропавший молитвенник со священными текстами в итоге нашёлся в домашней библиотеке потомка монаха в пятом поколении. А между его страниц — искомый листок со стихами.

Но с находкой тайна не разрешилась — она обрела только новое дыхание. Листок с ровными столбцами иероглифов подозрительно напоминал вырванную страницу из современного блокнота. Слишком ровные края, слишком белая глянцевая бумага.

Сэнсэй мог поставить точку и признать, что все эти годы гнался за химерой. Но профессор Накамура не сдался. Лабораторный анализ поставил всё с ног на голову: сама тушь и стиль письма однозначно указывали на одна тысяча восемьсот шестьдесят седьмой год. Почерковедческая экспертиза подтвердила — письмо писал Кондо Исами. Однако бумага... Её состав, отбелка, структура волокон — всё кричало о технологиях двадцатого, если не двадцать первого века.

Историки столкнулись с парадоксом, граничащим с научной фантастикой. Получалось, что кто-то из современников побывал в прошлом. И этому абсурду приходилось верить — доказательства говорили сами за себя.

Загадок прибавилось позже, когда уже после всех экспертиз — бумаги, чернил, почерка — профессор Накамура вновь взял в руки, казалось бы, изученный вдоль и поперёк листок. Его взгляд скользнул по обороту и наконец-то зацепился за странное пятно, которое он прежде игнорировал, принимая за грязь. Это был еле заметный зеркальный отпечаток текста с соседней страницы.

В тот вечер они с Никой как раз разбирали в кабинете профессора старые архивы. Внезапно, без единого слова, сэнсэй достал лупу и склонился над злополучным листком. Воцарилась тишина... По тому, как застыл его взгляд и кожа на его сжатой руке натянулась, обнажив чёткий рельеф сухожилий, Ника понял: учитель прочёл нечто ужасное.

Однако профессор Накамура ничего не сказал. Лишь поспешно, почти судорожно, убрал документ в полиэтиленовый пакет. А на следующий день стёр все файлы, закрыл проект и... исчез. На два года. Он не отвечал на звонки, письма возвращались нераспечатанными, его страницы в социальных сетях застыли. Результаты того последнего, немого анализа, видимо, угодили в категорию «Совершенно секретно» — или во что-то ещё более непостижимое.

И вот сегодня, так же неожиданно, как он исчез два года назад, профессор сам вышел на связь.

Ника, конечно, сразу узнал его голос, но в интонациях, пробивавшихся сквозь уличный шум — видимо, профессор стоял у открытого окна, — звучала странная, чужая нотка.

Сэнсэй говорил с ним почти по-отечески — натужно, словно пытаюсь убедить.

А ведь раньше профессор Накамура всегда брезговал панибратством и держался с учениками на равных, принципиально не переходя на «ты».

Значит, этим жестом он пытался что-то передать... Но что?

В памяти всплыли обрывки того памятного разговора.

— ...Ника, мальчик мой, ты всё ещё копаешься в себе? — после этих слов голос профессора неожиданно понизился до шёпота, едва различимого, словно он прижал трубку к самой щеке, боясь, что за стеной подслушивают. И он снова перешёл на «вы»: — Слушайте внимательно и не перебивайте. Ника, вы даже не представляете, как близко вы подобрались к разгадке. Этот снимок... В фоне мелькнул приглушённый стук, словно кто-то далеко поставил чашку на стол.

— Алло, сэнсэй, вас не слышно! — Ника так сильно сжал трубку, что у него побелели пальцы. Ему хотелось ворваться в эфир, вырвать из тишины последние слова, утонувшие в хриплом дыхании, — но на том конце провода раздавалось лишь тяжёлое прерывистое дыхание... И ещё что-то: короткий щелчок, едва различимый, будто кто-то в комнате щёлкнул зажигалкой, прикуривая сигарету.

— Ника, — вдруг чётко и громко произнёс профессор, словно обращаясь не только к нему, — мне нужно с тобой кое-что обсудить. Это касается твоей последней находки...

Нынешний повод для встречи ничуть не уступал той легендарной охоте за стихами Кондо. И в сердце молодого историка крепло ощущение, что оба случая связаны незримой, магической нитью.

Год назад учёный, собирая материал для своей книги в Музее реставрации Мэйдзи, случайно наткнулся на странный артефакт, который впоследствии перевернул его жизнь.

Архив музея хранил больше тайн, чем казалось на первый взгляд. Когда молодой историк наклонился за упавшей ручкой, его внимание привлёк уголок бумаги, торчащий из-под металлической ножки стеллажа. Аккуратно вытащив находку, он увидел перед собой пожелтевший фрагмент старой фотографии — как будто кто-то специально оторвал часть снимка и спрятал этот кусочек в ожидании того, кому он предназначен.

На потрескавшейся от времени фотографии чётко просматривались два силуэта. Слева — безошибочно узнаваемый Сайго Такамори в традиционном кимоно. Справа — мастер Кавасима Дзимбэй Второй, выглядевший значительно старше, чем должен был быть в год сацумского восстания. Но самое странное — фотография была явно обрезана. С левого края оставалась часть чьей-то руки и складки одежды, свидетельствовавшие, что на оригинале присутствовал третий человек.

Между мужчинами на столе лежала книга с различным названием: «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича. 1890—1891». Третий том трудов князя Ухтомского²².

Ника нахмурился. Это невозможно. Этот том вышел как минимум через двадцать лет после смерти самого Сайго. Как книга и легендарный самурай могли быть запечатлены вместе?

Его взгляд снова скользнул по краю снимка. В углу виднелось тёмное пятно — не грязь и не плесень. Засохшая кровь. Сердце ёкнуло. Он знал, что это может быть. Та самая фотография, о которой только и шептались в академических кругах. Похоже, одна половина этого снимка теперь у него, а вторая — у профессора Накамуры.

Сначала Ника решил, что это подделка. Но позже экспертиза показала, что фотография действительно сделана примерно в одна тысяча восемьсот девяносто седьмом году. Это была правда, с которой нельзя было поспорить.

²² Эспер Эсперович Ухтомский — русский дипломат, ориенталист, публицист, поэт, переводчик. Известен «востокофильской» позицией в печати и общественной жизни предреволюционной России. Один из приближённых Николая II.

Всё странным образом перекликалось с той самой страницей из блокнота. Та же история: разные эпохи сплетались в один неразрешимый узел. О чём тут думать, как не о путешественнике во времени? Но почему профессор Накамура, скрывавшийся два года, вышел на связь именно сейчас? Что-то здесь было не так.

Неужели сэнсэй вышел на след таинственного гостя из прошлого? Или будущего?

И не поэтому ли в дом профессора вломились воры, после чего он на два года пропал с радаров? Эта фотография — ключ. Ключ к тайне, которая уже проникла даже в его сны. И кто-то очень не хотел, чтобы эта правда всплыла.

Но как этот пожелтевший фрагмент дагеротипа²³ оказался среди реликвий семьи Накамура? Откуда он взялся? И что могло связать двух столь разных людей — Сайго Такамори, легендарного самурая, и Кавасиму Дзимбея Второго, основателя знаменитой мануфактуры «Кавасима Оримоно» в Киото?

Перебрав в уме все известные факты, молодой историк пришёл к единственному возможному выводу. Лишь одно событие — описанное в той самой книге князя Ухтомского — могло накрепко связать их судьбы с Россией.

Визит цесаревича Николая.

Тот самый, что обернулся кровью и проклятием в городе Оцу.

Ника порылся в своём блокноте, но не нашёл ни одного имени японского учёного, серьёзно занимавшегося именно этим периодом русско-японских связей. Естественно, о визите русского наследника и о том злополучном инциденте следовало бы спрашивать у русских коллег. Но, к сожалению, у профессора из Хиросимы не оказалось контактов в российской академической среде.

Такие связи мог иметь только профессор Накамура. И тот неожиданный звонок старого учителя, внезапно решившего вновь обнаружить себя для научного мира, прозвучал уж слишком вовремя.

Ника особенно никому не рассказывал о найденном фрагменте дагеротипа. Разве что... Юко. Да, он поручал ассистентке оцифровать снимок для детального изучения под увеличением и создания 3D-модели. Неужели Юко? Выходит, она как-то связана с профессором Накамурой и — случайно или намеренно — проболталась ему о находке.

Так или иначе, он был рад, что сэнсэй нашёлся. И теперь, всего через несколько часов, полукровка встретит своего пропавшего учителя.

Бамбуковая роща Сагано встретила их густым, непроглядным мраком, где свет от редких фонарей дробился в мириадах дождевых капель, а голосом ночи было таинственное пение намокших стеблей. Там, среди теней, должны были скрываться ответы — на всё сразу: на загадку листка из молитвенника давно умершего монаха, на таинственное, почти мистическое исчезновение учителя и на новую, тревожную находку молодого учёного. Возможно, там, наконец, прояснится, что именно скрывал зеркальный отпечаток на обороте того письма.

Бамбуковая роща Сагано встретила их шёпотом тысяч стеблей. Воздух дрожал от странной мелодии — то ли ветер играл в щелях, то ли сами деревья пели. Ника невольно оглянулся. Ощущение, что за ними следят, было таким же острым, как и два года назад. Всё те же мурашки по спине. Он здесь. Где-то близко.

Профессор Коджи Накамура, тшедушный старик с лицом, изрезанным морщинами, опирался на трость. Рядом вертелась его внучка — девчушка лет шестнадцати с розовыми волосами и телефоном, «приклеенным» к ладони.

— Вы знаете, зачем я здесь, — начал Ника, едва сдерживая дрожь в голосе.

Старик кивнул и достал из внутреннего кармана пиджака платок, приложил его к губам.

²³ Дагеротипия — ранний фотографический процесс, основанный на светочувствительности йодистого серебра. Полученный с помощью этой технологии снимок называют дагеротипом.

Профессор закашлялся. Надсадно. Вымученно. Кашель звучал как предсмертный хрип.
— Они украли всё, — прошептал он, когда приступ прошёл. — Обрывок фотокарточки. Заколку. Даже... — он понизил голос, — дневник моего прадеда.

Юко нахмурилась:

— Какую заколку?

— Нефритовую. С гравировкой. Её цесаревич уронил, когда... — профессор махнул рукой, — неважно.

Ника почувствовал, как учащается его пульс:

— Вы видели, что на фото?

— Нарушить кодекс чести? — сэнсэй горько усмехнулся. — Мой прадед перевязывал раны цесаревичу после покушения. Эти вещи выпали из его пиджака. Сто пятьдесят лет наша семья хранила их, не заглядывая в чужую тайну.

Ветер заиграл в бамбуковых стеблях, создавая жутковатую мелодию.

— Зачем понадобилась эта безделушка и старый клочок бумаги, на котором, поди, ничего не разобрать? — спросил Ника.

Накамура-сама вдруг улыбнулся — жутковато, по-стариковски, каким-то своим мыслям:

— Потому что воры пришли за своим, — профессор вдруг выпрямился, и его глаза вспыхнули, — это не просто безделушка. Тот, кто найдёт вторую половину фото...

Ветер внезапно завыл в бамбуковых стеблях, заглушая его слова. На мгновение Нике показалось, что в этом завывании проскользнул другой звук — приглушённый щелчок, будто ветка под чьей-то неосторожной ступнёй. Он резко обернулся, вглядываясь в зелёную мглу. Ничего. Только колышущиеся тени.

— ...найдёт ключ к тайне, которая перевернёт историю двух империй, — закончил профессор уже шёпотом, торопливо озираясь. — Ищи в России.

Было видно, как больному человеку тяжело давались слова. Он опёрся на трость и сказал:

— Я умираю, мой мальчик. Рак. Рассказав об этих вещах, я оказал истории в твоём лице последнюю услугу. Теперь это твоя дорога.

Дождь, начавшийся внезапно, словно поставил точку в разговоре. Профессор, ведомый внучкой, растворился в зелёном полумраке рощи.

Ника проводил их взглядом, а затем медленно обвёл взором окружающую рощу. Шёпот бамбука теперь казался полным скрытых смыслов.

Профессор выглядел так, будто чего-то боится. И он снова обращался к полукровке на «ты». Что это значило? О чём он его хотел предупредить? Ника по его глазам понял — сэнсэй ему сказал далеко не всё. Самые тревожные опасения подтвердились: профессор Накамура в беде.

Юко стояла неподвижно, втянув голову в плечи от холода и, возможно, от того же незримого давления.

Тайна предсмертного стихотворения Кондо Исами²⁴ по-прежнему оставалась нераскрытой. Но теперь к ней добавился холодок иного, более живого страха.

А Ника... Отогнав тревожные мысли, он уже видел перед собой билеты в Петербург...

Обратный синкансэн умчался без них, увозя с собой последнюю надежду на скорое возвращение домой. Ника и Юко застыли на пустынной платформе, залитые холодным светом станционных фонарей, будто сама судьба решила удержать их в этом городе, где даже тени хранили древние тайны.

²⁴ Кондо Исами, 9 ноября 1834 — 17 мая 1868) — японский воин и чиновник конца периода Эдо, командир Синсэнгуми...

Мотель нашёлся в паре минут ходьбы. Радость была недолгой: свободным оказался всего один номер. На двоих.

Лицо Ники исказила гримаса протеста. Юко же, вымотанная до предела, лишь бессильно клевала носом, прислонившись к стене. Спорить она не собиралась — не было сил. Пока он размышлял, не поискать ли другое место, и тянулся к смартфону, хозяйка — женщина лет шестидесяти с лицом, испещрённым морщинами, — мягко остановила его. Её взгляд, спокойный и всевидящий, будто просканировал его смятение и её усталость за долю секунды. Ответ был очевиден.

Уголки её губ дрогнули в лёгкой, понимающей улыбке. Словно говоря: «Судьбе не противятся». Возможно, в них она разглядела то, в чём они сами себе не признавались. Может, это был подарок судьбы, которая щедро рассыпает случайности тем, кто ещё не готов признаться себе в собственных чувствах.

Сдавшись под натиском обстоятельств, молодой человек кивнул.

Комната оказалась на удивление уютной — с приглушённым светом, аккуратной мебелью и панорамным окном, за которым расстился огненный ковёр ночного Киото. Город мерцал неоновыми иероглифами, будто что-то нашептывая.

Ника медленно вешал пиджак в шкаф, когда услышал за спиной щелчок зажигалки. Юко уже курила у окна, прислонившись к косяку. Дым медленно таял в прохладном воздухе, словно дурное предчувствие.

— Смотри, кажется, за нами следят, — она затянулась и жестом подозвала его ближе. — Вон там. Видишь?

Её пальцы скользнули по его запястью, тёплое прикосновение на фоне ночной прохлады. Он подошёл, хотя внутренний голос шептал, что не стоит.

Город пылал тысячами огней, но он видел лишь её профиль, тонкую шею, игру света на коже. Она знала, что делает, — он чувствовал это кожей.

Их взгляды встретились. Юко смотрела пристально, казалось, она выискивала в его глазах хоть искру ответного желания. Хоть одну причину сделать следующий шаг.

— Ты ведь не против? — прошептала она, не дожидаясь ответа. Отложив сигарету, она взяла его за руку и потянула к кровати.

Ника замедлил шаг. Всего на секунду. Но Юко уловила это колебание.

И всё же не отпустила. Потянула сильнее.

— Мы живём в мире, где завтра может не быть, — её шёпот почти коснулся его кожи. — Почему ты всегда так осторожен?

Полукровку обдало её тёплым дыханием. Близким. Опасным.

Сердце забило чаще — не от страсти, а от страха. Не перед ней, а перед самим собой. Перед мыслью, что, поддавшись, он станет лицемером и причинит ей боль куда страшнее, чем пуля или нож.

— Юко... — он попытался отстраниться. — Я...

Но её рука резко дёрнула его на кровать.

Мир взорвался звоном бьющегося стекла.

Осколки взметнулись в воздух, словно частицы времени. Юко вскрикнула и рухнула без сознания. На её левом плече по светлому свитеру расплзлось алое пятно — будто сама ночь просочилась в комнату и начала поглощать жизнь.

Он не помнил, как наложил жгут и подхватил её. Не слышал собственного крика. Он нёсся по коридору, через холл, врывался в ночь — со слезами на глазах, с её кровью на руках. Он нёс её в больницу, как в древних легендах несли возлюбленных сквозь огонь и пепел.

Только теперь, в пропитанном запахом антисептика больничном коридоре, до него стало доходить случившееся. В полумраке зоны для посетителей он заметил диван — как раз

вовремя, потому что ноги от напряжения и пережитого ужаса начали предательски подкашиваться.

При его приближении беззвучно сработал датчик, и холодный, неестественно яркий свет ударил в глаза, переполненные усталостью и страхом.

Ника рухнул на сиденье, прижав ладони к вискам, пытаясь удержать рвущиеся наружу мысли. Одежда была в крови. Её металлический, тошнотворный запах заполнял лёгкие, усиливая подкатившую дурноту.

«Что это было?» — лихорадочно спрашивал он себя. Всё происшедшее напоминало плохо срежиссированный спектакль. Таинственный профессор, будто явившийся не на встречу с коллегой, а на шпионскую явку с агентом. Потом это странное ограбление. Сэнсэй явно пытался ему что-то сказать... Неужели дело в его помощнице? Ника вдруг вспомнил, как изменилось лицо Юко при упоминании заколки... По-новому заиграла её настойчивость, с которой она напросилась в поездку. Её двусмысленные намёки. Да и он тоже хорош — чуть не оказался с ней в постели. А эта стрельба — больше похожая на предупреждение, чем на покушение.

Инспектор ушёл. Врачи сообщили, что Юко вне опасности, но из-за потери крови пробудет в больнице пару дней. Пуля прошла навылет, не задев ни кости, ни сосудов. Чудо? Возможно. Но в голову упрямо лезла крамольная мысль: «А не спектакль ли это?»

Он закрыл глаза. Перед внутренним взором снова всплыли детали: её дыхание у щеки, сигарета в тонких пальцах, едва заметное подрагивание мизинца на левой руке... Этот дурманящий взгляд. И внезапный, почти театральный рывок на кровать. Во всём сквозила наигранность. Фальшь.

Глава 3. Навстречу судьбе

Больничный двор встретил Нику холодным ветром. Он только сделал шаг к выходу, как из тени вынырнула знакомая сутулая фигура.

— Сэнсэй?!

Профессор Накамура выглядел на десять лет старше, чем вчера в бамбуковой роще. Его пальцы дрожали, когда он протянул плотный конверт.

— Я должен был предвидеть... — голос старика прерывался. — Возьми. Приглашение на симпозиум в Петербурге, билет, деньги.

Ника ощутил вес толстой пачки.

— Это... слишком щедро, сэнсэй. Я не могу...

Старик резко закашлялся, прижимая к губам платок. Когда приступ прошёл, на ткани осталось ржавое пятно.

— Деньги мертвецу не нужны, — прохрипел он, пряча платок. — А тебе предстоит жить. И помни — ружьё само по себе не стреляет.

В сознании Ники, как курок, взведённый для спуска, щёлкнула знакомая ассоциация. Ружьё... Если в первом акте висит на стене... Профессор не просто даёт совет. Он ставит пьесу, где сам — оружие в чужих руках. И ему отчаянно нужно, чтобы его ученик понял режиссуру. Это что-то вроде пароля.

Ника поклонился учителю в пояс. Поднявшись, он встретился с ним взглядом и сказал тихо, но очень чётко, как заучивают актёрскую реплику:

— Спасибо, сэнсэй. Я помню ваши уроки. Если в первом акте висит ружьё...

Он не договорил. Не нужно. По тому, как дрожащее веко старика на мгновение замерло, а затем расслабилось, полукровка понял: «отзыв» принят.

Он не сдержался и обнял наставника — костлявого, как осенний сучок, ощутив в ответ короткое, почти неосязаемое сжатие плеча. Накамура отстранился и достал из кармана лекарства.

— Иди уже, — сказал он. И в его голосе на миг будто проступило что-то похожее на облегчение. — За Юко не переживай. Её лечение оплачено, всё будет хорошо.

Ника ещё раз поклонился старику, смахнул предательскую слезу и ушёл прочь. Он понимал, что задерживаться в городе, где стреляют в окна мотелей, — смерти подобно. Ещё он понимал, что пуля, попавшая в Юко, вполне могла предназначаться ему. Слава Небу, с девушкой всё в порядке, а ему нужно бежать. И чем дальше, тем лучше.

Привычка носить с собой всегда паспорт избавила от необходимости возвращаться в Хиросиму. Теперь его путь лежал в Токио, оставалось только решить, каким транспортом туда добираться. Ехать на поезде, где он будет у врагов как на ладони, — всё равно что добровольно сунуть голову в пасть тигру, поэтому выбор был невелик. Благо агентств по сдаче в аренду автомобилей было достаточно. Шесть часов по скоростному шоссе на «Тойоте Харриер», и вот она, воздушная гавань японской столицы.

Всё-таки профессор Накамура — гений. Ему бы пьесы ставить, а не пароли под дулом пистолета придумывать. В нём умер талантливый драматург... Или родился гениальный конспиратор. И с билетами он просчитал всё до секунды.

Беглец влетел в терминал и первым делом метнул взгляд на табло. Сердце ёкнуло, а затем отлегло — напротив его рейса всё ещё горела надпись: «Идёт регистрация».

Историк из Хиросимы нырнул в людской поток. Он лавировал между чемоданами и спешащими пассажирами, выискивая кратчайший путь к стойке, над которой маячил заветный номер рейса в Санкт-Петербург.

Служащий аэропорта уже поглядывал на часы, когда Ника швырнул на стойку паспорт и билет.

— Ещё минута, и вы бы опоздали, Имамото-сан, — бортпроводник бегло сверил данные, внёс их в систему и вернул паспорт вместе с посадочным талоном. — Посадка вот-вот начнётся. Терминал девять, поторопитесь.

— Благодарю, — Ника сунул паспорт во внутренний карман. — Как с погодой? Не будет задержек?

— Вам повезло, грозовой фронт ушёл, — сотрудник взял под козырёк и выключил светящееся табло с номером рейса. — Лёгкого взлёта и мягкой посадки.

Только в салоне самолёта, когда на поясе щёлкнули ремни, а за иллюминатором поплыли огни аэродрома, напряжение наконец начало отпускать.

Самолёт оторвался от взлётно-посадочной полосы токийского аэропорта и начал набирать высоту. За иллюминатором медленно таял город, мерцающий огнями, будто это звёздное небо отражалось в тёмной воде.

Ника прижался лбом к холодному иллюминатору. На соседнем кресле лежал рюкзак со старым дневником — его хроникой загадок: фотографии, экспертизы, последние слова профессора... Он знал: предстоит не просто путешествие. Он отправляется на поиски самого себя.

Таинственный фрагмент дагеротипа не выходил у него из головы. Ника достал из кармана рюкзака свой любимый фонарь со сменными светофильтрами — верный инструмент, не раз помогавший изучать едва заметные детали древних артефактов.

Включив его, он принялся методично менять фильтры, освещая потрескавшуюся поверхность фотографии. В тусклом красном свете контуры лиц проступили чуть чётче, но тени по-прежнему хранили свою тайну. Он уже было отвёл руку, как вдруг его осенило: О-Мацу. Присмотревшись, историк заметил на заднем плане край упаковочного ящика с клеймом мануфактуры «Кавасима Оримоно». Фотография была сделана на фабрике господина Кавасимы или на складе с его продукцией!

Кукла гейши Моороки О-Мацу — вот что было скрыто на снимке! Как он мог не догадаться об этом сразу?

Мастер Кавасима создал куклу по личному приказу микадо — как извинение за тот позорный инцидент с нападением на цесаревича. Да! А присутствие Сайго на снимке? Это же намёк на слухи о фальшивом харакири. Именно эти домыслы и подтолкнули Цудо Сандзо к роковому удару.

Невероятно, что он не сообразил раньше. Всё так очевидно... Это послание. Послание ему — Имамото Нике, полукровке, тому, кто, возможно, единственный сможет раскрыть эту тайну.

Лайнер надсадно гудел, как уставший зверь. Он откинулся в кресле — и воспоминания накрыли его волной: парта, исчерченная ножом. Запах грифельной пыли.

— Ты что, язык проглотил?! — Кендзи-сан тычет пальцем в крылатую античную фигуру в книге. — Назови имя.

Он моргает. В голове — пустота.

— Афродита...

Класс закатывается. Учитель аж покраснел: — Кричите, пока не запомнит! И тридцать ртов выдохнули: «НИ-КА!»

Так он стал Никой. Теперь это его имя.

Но сон меняется. Появляется она — силуэт на границе света и тени.

— Ника... — зовёт девушка, и её голос — как шёлк по коже.

Вдруг сильная боль обожгла над правым ухом. По коже потекло что-то тёплое.

Он тянется к её зеркалу.

— Где я?

Стекло молчит.

Она смеётся — и вдруг её палец касается его губ.

— Проснись.

Самолёт пробивал плотную завесу дождя, словно нырял в прошлое. Сквозь разрывы облаков проступали геометрические линии каналов, а купола соборов темнели под тяжёлым свинцовым небом. Нева, рябая от ветра, тускло блестела оловянной гладью. На горизонте, словно призрачный страж, терялся в дождевой дымке шпиль Петропавловской крепости.

Город встретил его осенним ветром и запахом мокрого камня после дождя. В аэропорту Пулково его уже ждала девушка с его именем на табличке.

— Добрый вечер, господин Имамото, — приветливо сказала девушка, чьи тёмные волосы были аккуратно уложены в пучок. — Профессор Анна Строганова. Буду вашим гидом по России, если позволите.

Она мило улыбнулась и как-то по-особенному посмотрела на гостя, заставив его сердце отбивать бешеный ритм.

Глаза. Он узнал этот взгляд. Это была она... Девушка из его снов.

Обычно хмурое питерское небо, грозившее недавно холодным дождём, наверное, в честь их встречи, вдруг решило скорректировать свои планы. В плотной завесе дождливых серых туч оно оставило прореху, сквозь которую на уставший от сырости город тёплыми солнечными лучами полилось хорошее настроение.

Анна, кажется, приняла этот проблеск лета за добрый знак — она улыбнулась, подставив лицо солнцу. Ника же даже не заметил перемены в небе. Всё его внимание, весь его мир сузился до одного человека, и от этого всё его существо светилось изнутри.

Все двадцать минут пути до гостиницы он думал о том, чтобы судьба не отняла её снова. Она тоже что-то чувствовала, это было заметно по её беспокойным пальцам, которые теребили кожаную оплётку руля во время остановок на светофорах. За окном мелькали величественные виды северной столицы. Ника достал смартфон, но так и не сделал ни одного снимка. Он лишь положил его на колено и выстукивал по задней стенке ритм старого японского марша.

Девушка, похоже, тоже заметила его волнение. Мельком взглянув на неё, полукровка заметил, как она прячет улыбку в уголках своих губ.

До конца поездки он так и не собрался с духом спросить номер её телефона, хотя боялся, что завтра пришлют другого гида, и Анна навсегда исчезнет из его жизни. И когда машина остановилась у отеля, с досадой засунул телефон в карман.

Но через пару шагов раздался сигнал клаксона. Он обернулся и увидел её. Она улыбалась и держала в руках его рюкзак. На боку рюкзака красовалась наклейка с аккуратно выведенным от руки номером.

Гостиница встретила его тяжёлыми бронзовыми дверями и запахом старого дерева. Его поселили в номере на четвёртом этаже — с видом на канал, по которому ходили прогулочные катера, а на набережной целовались влюблённые парочки.

Он прижал ладонь к холодному стеклу — за окном гостиницы раскинулся город, будто написанный акварелью: шпили, отражённые в лужах, тени фонарей на мокром асфальте, силуэты двух людей под одним зонтом. Тот самый Петербург из снов...

Он снова просмотрел сообщение, уже выучив каждое слово наизусть: «Жду тебя у Аничкова моста в 21:00. И не забудь зонт — наш дождь... он особенный».

Время словно застыло. Стрелки его «Сейко Самурай» упрямо замерли на отметке 20:45, будто сама Вселенная решила замедлить ход событий. Ника поднёс часы к уху — механизм

тикал исправно, секундная стрелка продолжала свой размеренный бег по циферблату. Но почему же тогда каждая минута ожидания тянулась как вечность?

Раздался звонок. Из трубки донёсся заветный голос, тёплый, с лёгкой усмешкой:

— Ты всё ещё в номере?

— Смотрю в окно... Кажется, ваш город меня гипнотизирует.

— Тогда выходи. Покажу, как он шепчет.

Она ждала его у коней Клодта, накинув капюшон, и в руках её дымились два стаканчика.

— Это двухслойный, с корицей, — Анна протянула один из них. — Попробуй. Он избавляет от всех сомнений.

Дождь отстукивал ритм по куполу зонта, когда она вдруг взяла его за рукав:

— Видишь вон тот фонарь? Под ним целовались Блок и Люба Менделеева. Говорят, если повезёт — можно поймать эхо их разговоров.

Ника рассмеялся, но профессор строго подняла палец:

— Тсс... Слышишь?

Он прислушался — тишина. Лишь шёпот дождя и далёкий смех с набережной.

— Ничего? — молодой человек наклонился ближе.

— Значит, опять целуются... — девушка вдруг покраснела, будто сказала лишнее, и потянула его за собой: — Бежим! Пока не промокли насквозь.

В кафе пахло ванилью и мокрой одеждой — они заняли столик у витрины. Анна стряхнула капли с волос, и он невольно протянул руку, чтобы убрать одну с её ресницы... но замер.

— Ты... часто так знакомишь гостей с городом? — спросил Ника, отводя взгляд.

— Только тех, кто верит в эхо под фонарями, — Анна прикрыла глаза, допивая кофе. — А ты... часто звонишь девушкам, которых только что встретил?

За окном промелькнул свет фар, осветив её улыбку. «Город обещал раскрыть тайны... но стало только запутанней», — подумал он, чувствуя, как дождь за стеклом сливается с бешеным стуком в груди.

...А потом зонт накрыл их обоих, и эхо наконец-то нашло своих слушателей.

Дни в городе были насыщены до предела. Увлечённые историей молодые люди не ограничивались программой симпозиума. Они бродили по музеям, искали следы старых книг, просматривали архивы в Институте восточных языков.

Профессор Строганова знала каждый уголок Петербурга, каждую легенду, связанную с его улицами. Она показала гостю парадный двор Мраморного дворца и маленькую уютную книжную лавку на улице Рубинштейна, где можно было найти издания, давно исчезнувшие с полок магазинов.

Даже буддийский храм «Дацан Гунзэчойнэй» не остался без их внимания — инициатором экскурсии выступила Анна. Ника молча разглядывал замысловатый орнамент на фасаде, как вдруг услышал за спиной:

— Ты часто так задумываешься?

— Мне показалось, что кто-то произнёс моё имя, — ответил он, не отрывая взгляда от древних узоров.

— А может, и не показалось... — Голос девушки прозвучал загадочно и тихо, словно шелест страниц старинной книги.

Он медленно повернул голову. Спутница стояла, не сводя с него глаз, и в её взгляде не было ни тени игры — она как будто знала о нём всё.

Ника не сказал Анне всей правды. На самом деле его терзали мысли о Юко.

Он знал, что помощница всё ещё в больнице — возможно, уже идёт на поправку. Она настойчиво писала ему сообщения, которые он так и не решился открыть. Видимо, ждала ответа. Но он не мог ответить... Или не хотел. По крайней мере, не сейчас.

Юко осталась в прошлом — в той жизни, что осталась за облаками над Японским морем.

А Анна... Анна стала первым словом в новой истории. В городе, где стучал в его висках забытый ритм родной крови.

Эта девушка, так неожиданно ворвавшаяся в его жизнь, наполнила её смыслом. Их отношения из дружеских постепенно переросли в нечто большее.

И однажды ночью, когда они вернулись с прогулки по Летнему саду, между ними больше не было недопонимания. Только тепло, которое не нужно объяснять. Только первый поцелуй под шелест листвы и плеск воды в фонтане.

Время текло, как вода в каналах: спокойно, но с незримым подводным течением. Ника и Анна погрузились в работу, просматривая редкие документы, старые журналы путешествий и личные архивы князя Ухтомского. Каждый вечер они обсуждали находки в маленьком кафе на Невском, где пахло кофе, воском и книгами.

Но чем ближе Ника подбирался к истине, тем чаще ему казалось, что кто-то невидимый следит за ним.

Тем вечером они возвращались из Института восточных языков по тихой улице Рубинштейна. Город медленно погружался в сумерки, фонари зажигались один за другим, отбрасывая на мостовую длинные, словно тени прошлого, блики. У витрины их любимого книжного, где за чашкой лучшего в городе кофе можно было часами листать редкие издания, Анна внезапно остановилась.

Она смотрела не на витрину, а на отражение в стекле.

— Обними меня, — неожиданно попросила она. Когда Ника заключил её в объятия, девушка прошептала: — Посмотри на угол дома за моей спиной. Мужчина в синей куртке. Кажется, он следит за нами. Только не показывай виду.

— Я заметил его ещё у института, — тихо признался Ника. — Грешным делом подумал, что это твой поклонник или бывший.

— Дурак, — Анна легонько стукнула его кулачком по груди, затем поцеловала в щеку. — Ты мой единственный.

— Если это просто шпион или бандит, а не твой ухажёр, — Ника усмехнулся, — пусть смотрит. Не страшно. Кстати, он уже ушёл — видимо, понял, что мы его раскусили.

В уютном кафе, за столиком у окна, Анна неожиданно спросила:

— Ты что-нибудь знаешь о судьбе Моороки О-Мацу?

Ника вздрогнул, будто её слова коснулись обнажённого нерва.

— Гейшу из Нагасаки? — молодой человек даже сам уловил лёгкую дрожь в собственном голосе. — Ты шутишь?

— Ни капли, — твёрдо ответила Анна, не отводя пристального взгляда.

По мгновенной искорке в её глазах он понял: девушка намеренно задела его за живое. Но каким образом? О своих догадках, о призрачной связи куклы с той самой половинкой фотографии, он не говорил никому — даже профессору Накамуре. Играть в неведение больше не имело смысла. Пришло время вскрывать карты.

— Анна, с тех пор как мы... — Ника запнулся, подбирая слова. Вместо них он достал из внутреннего кармана блокнота ту самую фотокарточку и положил на стол между ними. — С тех пор как мы сблизились, я не могу больше скрывать от тебя настоящую причину моего приезда сюда.

И он начал рассказывать. Всё.

На следующий день молодые историки планировали посетить запасники Кунсткамеры²⁵, для чего Анна обещала раздобыть пропуск.

²⁵ Кунсткамера (от нем. *Kunst-kammer* — «комната искусства», «кабинет редкостей») — российский государственный естественно-научный музей в Санкт-Петербурге, учреждённый Петром I в 1714 году. Это первый в России публичный музей.

Глава 4. Нефритовая заколка

Ника вышел из гостиницы на четверть часа раньше — погода стояла великолепная. Сидеть в номере, когда на улице светило такое редкое для Питера солнце, учёному из Японии показалось непростительной расточительностью. Как житель страны восходящего солнца, он не мог понять, как можно месяцами обходиться без живительной благодати богини Аматэрасу. Потому-то гость северной Пальмиры и чувствовал себя неуютно под вечно хмурым, дождливым небом Санкт-Петербурга.

Анна почему-то опаздывала. Стрелки его «Сейко Самурай» показывали 13:45. В это время пробок почти не бывало. Ника с удивлением отметил, что думает вовсе не о причине опоздания девушки, а о том, как ему становится всё труднее обходиться без неё. Время в её отсутствии словно останавливалось. Чем больше они проводили вместе, тем прочнее эта русская девушка входила в его жизнь.

Наконец, с сорокаминутным опозданием, у гостиницы остановился её красный автомобиль.

— Всё, всё, не сердись! Понимаю, виновата, — Анна так мило улыбнулась и так нежно коснулась губами его щеки, что вся напыщенная сердитость полукровки мигом испарилась. — Внезапно потребовалось всем, кто работает с иностранцами на симпозиуме, пройти медосмотр. Со сдачей крови, между прочим. Медицинской службе института делать что ли больше нечего? Мы и так уже тысячу раз проверены.

Ника вместо ответа лишь пожал плечами. Надо — так надо. В Японии они не привыкли задавать глупых вопросов. В его стране со здоровьем не принято шутить.

До запасников они доехали быстро. Пропуск в руках Анны без проблем открыл перед ними двери в святая святых Кунсткамеры. Всё, что не вмещалось в основную экспозицию или требовало реставрации, хранилось именно здесь — включая знаменитую фигуру японской гейши Моороки О-Мацу.

Воздух в хранилищах, несмотря на мощную вентиляцию, был густым и тяжёлым. Он был пропитан вековой пылью, воском и запахом старины, но сильнее всего — тревожным предчувствием надвигающихся неприятностей. Ника почувствовал, как рука Анны непроизвольно сжала его локоть. Взгляд пожилой смотрительницы ему тоже показался настороженным. А как иначе — они чуть ли не искрили от нервного напряжения. А может, она поняла, что их мысли больше заняты друг другом, а вовсе не музейными экспонатами. Скорее, и это вернее всего, Анна и Ника сами накручивали себя. Они собирались совершить не совсем санкционированные действия. Вот и показался взгляд смотрительницы придирчивым. Да уж... Расхитителей гробниц из них не получится. Их коварные планы были написаны у них на лицах.

Открыв дверь в один из залов с редкими артефактами, Анна остановилась, словно прося разрешения у той старой смотрительницы. Она глубоко вдохнула и медленно сняла с экспоната белую простыню.

Перед ними предстала кукла-гейша в натуральную величину, со скрупулёзно прорисованным лицом. Гейша перед ними сидела как живая в типичном цветастом кимоно и смотрела на них, будто вполне осознанно. Нике на мгновение показалось — или это игра света? — будто уголки губ куклы дрогнули в едва уловимой усмешке. Моорока О-Мацу словно знала об их присутствии. Её волосы, чёрные как смоль, были собраны в сложный пучок и украшены яркой коралловой заколкой.

Ника замер. Он будто смотрел на живого человека. Мастер знал своё дело. Живая О-Мацу смотрела на него словно из прошлого.

— Это невозможно, — прошептал он, не отводя глаз от куклы.

— Возможно, — ответила Анна. — О-Мацу — это не просто игрушка. Она — зашифрованное послание из прошлого, а ты — ключ к разгадке.

— Что? — вопрос полукровки повис в воздухе. В памяти тут же всплыли известные факты: цесаревич Николай получил куклу в подарок от Кавасима Дзимбэя Второго. Император Мэйдзи приказал изготовить куклу, чтобы сгладить неприятный инцидент в Оцу, где на Николая напал полицейский Цудо Сандзо во время его визита в Японию в одна тысяча восемьсот девяносто первом году. Кукла была точной копией гейши Моороки О-Мацу и стала для Николая символом Японии, который он не смог забыть. После его отъезда из Японии сама гейша бесследно исчезла. С тех пор её никто не видел. Она выполнила свою миссию.

— Это кукла «О-Мацу» — точная копия гейши, с которой у цесаревича была любовная связь, — сказала Анна. Молодой человек чувствовал на себе её пристальный взгляд. — Свой секрет она откроет только тебе.

— Откуда такая уверенность? — мягко, но требовательно спросил он, сжимая её плечи. — Посмотри мне в глаза. Ты что-то знаешь?

— Прости, я должна была убедиться, — виновато ответила девушка, опуская голову. — Я сделала это ради тебя.

Анна отвернулась, пытаясь скрыть слёзы, достала из сумочки лист бумаги и протянула ему.

— Я тайно отнесла твой волос в лабораторию, — сказала она, подходя к окну и садясь на подоконник. — Читай сам. Ты потомок российского императора Николая Александровича Романова.

Когда Анна отвернулась, Ника увидел, как девушка быстрым движением провела пальцем под глазом.

Японский историк взял лист бумаги, но глаза его скользили по строчкам, не воспринимая смысла. Буквы на листе плясали перед глазами. «Потомок... императора...» Слова сливались в нелепый, чудовищный узор. Ника почувствовал, как пол уходит из-под ног, и непроизвольно сделал шаг назад, чтобы опереться о стену. Император? Потомок? Этот титул повис в воздухе нелепым, чудовищным грузом. Всё, что он знал о себе — история подкидыша, ребёнка без рода и племени — в одно мгновение рухнуло, осыпалось прахом.

Молчание повисло тяжёлым, звенящим грузом. Ника стоял, не двигаясь. Слова «потомок императора» гудели в его черепе, как набат, не складываясь в смысл. Он не чувствовал ни тела, ни пола под ногами — только эту оглушительную, бессмысленную вибрацию. Его мир, весь его «я»-конструктор, сложенный из вопросов, рассыпался за секунду.

— Так вот почему... — Голос прорвался сквозь оцепенение, звучал глухо, будто из пустоты внутри него. Он протянул руку — движение вышло медленным, чужим — и положил листок Анне на колени. — Вот почему всё это. Встреча, архив, ты... Всё было рассчитано. Не я нашёл тебя. Это ты подобрала меня, как пропавшую шестерёнку, без которой не запустится чёртов механизм.

— Дурак, ты нашёл не корни свои, а судьбу, — Анна закрыла лицо руками, и лабораторный бланк слетел на пол. — Ты, Николай, О-Мацу, а теперь и я. Всех нас история связала одной судьбой. На кону слишком много, и никто не вправе думать только о себе.

— О какой судьбе ты говоришь?! — Ника резко встал, отшатнувшись от неё, от листка, от этой чудовищной правды. — Ты говоришь загадками, а я... Я ехал сюда, думая, что ищу прошлое. А оказалось, будущее уже поджидало меня с распростёртыми объятиями и лабораторным анализом. Мной играют. Я разменная пешка в чужой игре. И ты знала правила этой игры с самого начала.

— Знал бы ты, сколько я готовилась к этой минуте, — руки у девушки дрожали, и она не смогла расстегнуть сумочку. По её щекам бежали слёзы, и Ника протянул ей свой платок.

— Сколько людей сложили головы, чтобы наша встреча с тобой состоялась. Ты многого не знаешь... И ты не пешка. Ты — причина, по которой эта игра вообще имеет смысл.

— Причина? — Ника горько усмехнулся, и в этой усмешке было всё его одиночество. — Для слепца в тёмной комнате нет причин. Только острые углы.

— Ты тоже не всё рассказал мне... Я вижу, как ты мучаешься.

Это заявление, произнесённое сквозь слёзы, обезоружило его.

Ника поднял на неё взгляд. Голос Анны будто доносился издалека. Его собственная ярость, только что пылавшая, начала стекать, обнажая голый, неприкрытый страх, а затем и вовсе обернулась леденящей пустотой. Он был выжжен изнутри.

Он больше не мог держаться на ногах. Не физически — ментально. Ему нужно было сесть, исчезнуть, свернуться.

— Прости, я не сдержался, — наконец вырвалось у него, хрипло и сдавленно.

Он сделал шаг, другой, и медленно опустился на подоконник рядом с ней, не касаясь её. Уткнулся лицом в ладони. Дышал, стараясь дышать ровно. Внутри всё ещё была свалка — обломки личности, страх, гнев, неверие. Но уже сквозь этот хаос начали пробиваться первые, чистые нити мысли. Её риск. Её слёзы. Стреляли в меня. Зачем? Что я такого знаю?

Только теперь, сквозь оцепенение, до него начал доходить смысл её слов и весь чудовищный риск, на который она пошла.

Он поднял лицо, и взгляд его был уже не безумным, а устало-сосредоточенным.

— Ты... Ты всё правильно сделала, — Ника грустно посмотрел на листок из лаборатории, который продолжал лежать на полу, сверкая голограммами печатей. — Но ты тоже пойми. Я как слепец в тёмной комнате. Кругом острые углы, а брожу с завязанными глазами...

Он замолчал, собираясь с духом для главного признания.

— Перед моим отлётом в Россию в меня стреляли, — Ника произнёс уже спокойно. — Но попали в мою помощницу, Юко. Пуля прошла по касательной, и, к счастью, теперь она в безопасности.

Он взял её руку, сжимая пальцы так, будто искал в них опору, и посмотрел прямо в глаза.

— И теперь ты понимаешь, почему я не хотел тебе ничего говорить? Быть рядом со мной опасно... Кто-то очень не хочет, чтобы мы приблизились к правде.

Он замолчал. Глаза, блуждавшие по комнате в поисках опоры, снова остановились на кукле. О-Мацу... Её безмятежность казалась насмешкой над тем, что творилось у него внутри. Но странно: именно эта неподвижность, это вечное спокойствие дали ему точку отсчёта. «Зашифрованное послание... Я — ключ», — повторил он мысленно. Шестерёнка исполняет чужую волю. Ключ — открывает дверь.

Возможно, в этом и заключается вся разница.

— Погоди-ка... — он с силой провёл руками по лицу, будто стирая с него маску шока. Голос приобрёл прежнюю, исследовательскую твёрдость — и это знакомое ощущение было как глоток воды в пустыне.

Историк из Хиросимы прыгнул с подоконника и подошёл к кукле.

— Смотри, это же очевидно, — сказал он, вернувшись к напарнице. — Заколка коралловая. Гейши используют заколки в зависимости от времени года. Куклу подарили весной, а значит, заколка должна быть зелёной. Понимаешь? Кто-то подменил её.

— Эту? — Анна ловко вдела нефритовую заколку в петлю его пиджака, а на подоконник аккуратно положила бурый клочок фотографии — тот самый недостающий фрагмент. Ника достал свой и бережно приложил его к краю. Срезы идеально сошлись, образовав единое целое. Рядом с Сайго Такамори сидел мужчина в форме русского офицера. К сожалению, лица не разобрать из-за пятна засохшей крови. Теперь все фрагменты дагеротипа были у них, только ясности это не прибавило. Правда, надпись на обороте читалась отчётливо, и ключ к разгадке

был у них в руках. Что же, приходилось довольствоваться и этим. В конце концов, а так ли важна личность третьего?

— Я должна была отдать тебе это раньше, — мягко произнесла девушка и бережно перевернула оба фрагмента и хитро улыбнулась. — Теперь, когда твоё родство с императором доказано, я всё тебе расскажу. Но не сейчас.

— Клянись, что ты непричастна к ограблению дома Накамуры и к стрельбе в Киото, — твёрдо сказал Ника, прикрыв ладонью надпись на обороте фотографии. — Для меня это очень важно.

— Всё потом... Ты же мне веришь?

Вместо ответа он притянул её к себе и поцеловал в губы.

Надпись историки прочли вместе. Слова отпечатались в сознании полукровки: «Тот, в ком течёт кровь императора и гейши, увидит её глазами».

Ника посмотрел на Анну:

— Это... я?

Она кивнула:

— Тебя родила... Ты потомок человека, рождённого от запретной связи. Плод любви цесаревича и японской гейши, скрытый временем и судьбой.

— Тогда чего же мы ждём? — С трудом уняв дрожь в руках, медленно, почти не дыша, молодой учёный сменил коралловую заколку на нефритовую.

В тот же миг в кукле что-то щёлкнуло.

Тихий, почти нечеловеческий шёпот механизмов заполнил комнату — шуршание шестерёнок, лёгкий звон натягивающихся тросиков. Кукла вздохнула.

Ника медленно протянул руку, коснулся холодного янтаря её глаз...

И мир взорвался светом.

Ослепительный луч вырвался из глазниц, ударил в стену — и вдруг перед ними возник план поместья. Чёткие линии, ясные контуры... и кроваво-красная точка в самом центре, пульсирующая, как живая.

— Вот где он... — выдохнула Анна.

Точка мерцала, словно зовя их. Словно предупреждая.

Где-то за дверью закрипели половицы...

— Это дом князей Ухтомских, — прошептала Анна.

— А точка?

— Это то, что мы ищем, — напарница снова улыбнулась, подарив Нике взгляд, полный нежности и любви. — Ответы.

Ника не знал, смеяться ему или плакать. Он стоял перед куклой, которая, казалось, знала его лучше, чем он сам. Анна прижалась к нему, и сквозь ткань пиджака он чувствовал, как бьётся её сердце — в том же нервном ритме, что и его собственное.

— Теперь ты понимаешь, почему я выбрала тебя?

Он кивнул.

— Ты знала всё с самого начала? — спросил он.

— Я надеялась, — щёки девушки зарделись. — Что ты — человек, которого я искала всю свою жизнь.

За окном стужалась ночь. Петербург, укрытый тяжёлыми серыми тучами, засыпал под тихий шелест опавшей листвы. В этом городе прямо сейчас писалась новая глава. О Нике... и Анне.

За каждое открытие приходилось платить. Ника знал это с тех пор, как нашёл первую половину фотографии под стеллажом в музейном архиве. С тех пор его жизнь стала похожа на шахматную партию, где каждый ход вызывал ответную реакцию. И он к этому привык.

Теперь же он лежал в постели, прижимая к себе Анну. В комнате царил мягкий полумрак, который разбавлял лишь свет уличного фонаря за окном. Её волосы щекотали ему грудь, дыхание было ровным, тёплым, живым. От неё пахло чем-то одновременно знакомым и новым, будоражащим — нотками бергамота, свечей и простого человеческого счастья.

Он смотрел в потолок и думал: «Счастья без боли не бывает». Но потом прошептал себе: «Пусть сегодня всё будет иначе. Пусть этот вечер останется с нами. Пусть силы тьмы отступят хотя бы на одну ночь».

Казалось, всё действительно улеглось. Даже его собственные страхи притихли.

И именно тогда раздался звон разбитого стекла.

Резкий, как выстрел. За ним — вспышка. Огонь взметнулся вверх по занавескам, словно кто-то из адского мира решил лично забрать свой долг.

— Что?.. — пробормотала Анна, просыпаясь.

Но Ника уже вскочил с кровати. Голый, но быстрый, как молния. Он сорвал горящую штору и бросил её на пол, накрыв сверху одеялом. Грохот сердца в ушах заглушал треск пламени. Он чувствовал боль — острую, жгучую — в руках, на спине, но продолжал тушить огонь, пока тот окончательно не погас.

Анна села на край кровати, закутавшись в простыню.

— Ника... Что случилось? — её голос дрожал от дыма и страха.

Она увидела его — обнажённого, в поту и копоти, распластанного на полу, — и не смогла сдержать слёзы.

— Ты обжёгся... Дай я посмотрю.

Она взяла его руки. Кожа была красной, местами вздулись волдыри, но, к счастью, ожоги были поверхностными. Молча достала аптечку, обработала кожу антисептиком и наложила бинты.

Он поднялся, с трудом втягивая воздух.

— Всё в порядке. Одевайся. Нам нужно уходить. Они знают, где мы, и вернутся, но уже с чем-то посерьёзнее. Здесь оставаться нельзя.

Он посмотрел на неё прямо. — Анна, связавшись со мной, ты ступила на опасную тропу.

— Рядом с тобой мне не страшно, — она прижалась к его груди, и слова прозвучали без тени сомнения. — Ты же защитишь меня?

Вместо ответа он лишь устало улыбнулся — скупое, по-мужски. Этой улыбки было достаточно.

Через десять минут они были одеты и совали в рюкзак самое необходимое.

— Кто это был? — спросила она, пряча слёзы в уголках глаз.

— Думаю, те же, что стреляли в Юко и громили дом Накамуры. Они чувствуют, что мы близко.

Пара выбежала на холодную петербургскую улицу, заливая на ходу водой дымящийся ковёр. Фонари мерцали в тумане. Ночь как ночь. Ничего подозрительного. Только ветер гонял по тротуару опавшую листву, да чужие тёмные окна равнодушно смотрели на мир.

Анна достала телефон и набрала подругу. Через полчаса погорельцы уже сидели в машине и ехали за город — к красивому деревянному коттеджу, спрятанному в лесу, совсем рядом с тем местом, где когда-то стояла усадьба Ухтомских.

Остаток ночи прошёл в тишине. Страх, ещё недавно сжимавший горло, отступил, уступив место страсти — яростной, отчаянной, словно завтра не существовало. Это был их ответ смерти. Огонь, вырвавшийся из брошенной бутылки, казался теперь крошечной искрой рядом с тем пламенем, что пылало в них.

Следующим вечером команда из двух историков появилась у старого особняка на южном берегу Финского залива в сорока километрах к западу от Санкт-Петербурга. Зброшенная усадьба Ухтомского чернела на фоне заката, как немой свидетель прошлого.

— Ты уверен, что нам нужно именно сейчас? — Анна нервно кусала губу.

Ника посмотрел на свои перевязанные руки, потом на темнеющий дом.

— После вчерашнего я уверен — кто-то очень не хочет, чтобы мы что-то нашли. А значит... Мы на правильном пути. Мы не можем опоздать.

В памяти Ники всплыла запись князя Ухтомского из того дневника, который он нашёл в архиве: «Истина спрятана там, где встречаются два дракона».

Дверь усадьбы скрипнула, будто ждала их...

Глава 5. Таинственный артефакт

Заброшенная усадьба Ухтомских стояла во тьме, словно затаив дыхание. Луна, пробиваясь сквозь разбитые окна и паутину, рисовала на полу причудливые узоры.

В воздухе стоял густой запах старого дерева, сырой штукатурки и пыли, не тревоживший десятилетиями. Следы былого барства ещё угадывались: облупившиеся лепные розетки на потолке, островки паркета под грубыми досками и массивная печь-голландка с растрескавшимися изразцами. Предметы мебели, укутанные саванами паутины, казались призраками замершего бала — тяжёлые дубовые кресла, комод с отвалившейся фанерой, пианино с оскаленными, пожелтевшими клавишами.

— Аня, глянь, похоже, это рай для любителей квестов, — Ника повертел в руках кочергу, изображая фехтовальщика. — Здесь жили, любили, спорили... А теперь только тени.

— А ты представь себя путешественником во времени, — девушка отвела его «удар» пустой рукой. — Представил?

Он встряхнулся, отгоняя наваждение.

— Пора искать. Если вообще можно что-то найти в этом склепе. — Ника бросил кочергу на разодранный диван и стал перещёлкивать световые фильтры на фонарике. — Давай разделимся. Ты бери левое крыло, я возьму правое. Если что — кричи. Громко.

Прошло уже больше часа. Ника проверил кабинет с разорванными книгами, будуар с пустыми флаконами и даже кладовую, где от былого изобилия остались лишь ржавые банки. Никаких потайных ходов, никаких намёков. Разочарование начинало сжимать горло, когда он вновь вошёл в гостиную.

Ника медленно водил лучом фонарика по комнате, заставленной старыми шкафами. Пыль на полу лежала ровным слоем, но у самого плинтуса проступала едва различимая дуга — след, который могла оставить приоткрывающаяся дверь. Ножки массивной мебели, стоявшей тут, отстояли от стены довольно глубоко и, соответственно, не могли оставить такого следа. Он отодвинул тяжёлый шкаф, и за ним обнажилась резная дубовая панель.

— Анна! Кажется, я нашёл, — крикнул он напарнице, проводя рукой по потемневшему дереву. Пальцы скользили по орнаменту, пока не наткнулись на странность: одна из стилизованных лилий была чуть темнее и глаже от частых прикосновений. В её сердцевине скрывалась крошечная вмятина. Ника надавил большим пальцем — и с глухим скрипом часть стены отъехала, открывая узкий, пахнущий сыростью проход.

Подошла Анна с фонариком, в котором садились батарейки. Она стучала по корпусу ладонью, трясла — всё зря, света не прибавлялось. Ника молча протянул ей свой запасной, со светофильтрами. Тусклый красный луч, почти не рассеивавший темноту, выхватил из мрака крутую металлическую лестницу, уходящую вниз.

— Другого фонаря не нашлось? — Девушка нарочно направила луч ему в лицо. — Мы же не в фотолаборатории. Чего ты боишься засветить?

— Светофильтры, — заслонившись ладонью, пробурчал Ника. — Там есть кнопка. Сбоку. И вообще, держись за мной и свети себе в ноги.

Спуск по узкой и крутой винтовой лестнице, казалось, не имеет конца. По ощущениям, они уже спустились под землю этажа на три. Полукровку охватил леденящий ужас при мысли, что они окажутся в западне в этой жуткой шахте, если кто-то наверху закроет потайную дверь. Но никто дверь не запирает, и они шаг за шагом спускались всё ниже по гулким и скрипучим ступеням.

Наконец гул шагов прекратился, и историк из Хиросимы ощутил под ногами твёрдый каменный пол. Ника увидел на одной из стен керосиновую лампу... Анна чиркнула зажигал-

кой, и стало заметно веселее от пляшущего света лампы. Потом зажгли ещё одну... И ещё... Стало светлее.

Потайная комната оказалась просторным залом с высокими потолками. В центре, на пьедестале, возвышался огромный механический самурай. Его клыкастая маска и рогатый шлем заставляли кровь стынуть в жилах. Доспехи блестели сквозь густо обвившую их паутину, от чего становилось страшней. Перед ним на плоском камне стояла изысканная шкатулка с перламутровой инкрустацией.

— Боже... — воскликнула Анна. — Никогда больше не буду смотреть ужастики.

— Анна, стой! — скомандовал Ника, но было уже поздно.

Раздался резкий щелчок — девушка случайно наступила на плитку пола, запускающую скрытый механизм.

Устрашающая фигура самурая со скрежетом ожила.

Глаза-линзы вспыхнули зелёным светом, суставы скрипнули, и стальной клинок с лязгом вышел из ножен.

— Ника! Мне страшно!

Он успел оттолкнуть её в сторону, а сам чудом избежал удара катаны. Лезвие самурайского меча с оглушительным свистом пронеслось над головой и вонзилось в пол, оставив глубокую трещину.

— Меч! — Анна сняла старинный клинок со стены и швырнула его напарнику.

Ника вытянул руку, но его ладонь разминулась с рукоятью клинка, и оружие с дребезгом упало на каменный пол. Самурай среагировал на этот звук и отбросил катану своей металлической ногой. Положение стало отчаянным.

— Анна, отвлеки его, — крикнул он. — Брось в него лампу!

Девушка не растерялась и с криком бросила в самурая керосиновую лампу. Вспыхнуло пламя, на мгновение осветив комнату, где у стены Ника увидел отброшенный меч.

Самурай уже оправился от огненного шока и со скрипом повернул свою голову в жутком шлеме в сторону перепуганной Анны.

— Ника, он идёт ко мне! — закричала девушка.

Механическая машина для убийства быстро сделала три гигантских шага в её сторону и занесла над головой Анны смертоносный металл. Секунда, и меч рубанул, но сталь встретилась со сталью, и искры градом посыпались на пол. Это полукровка успел подставить клинок.

Ника отбивал удары, но механический воин превосходил его в силе многократно. Каждый выпад, каждый удар по вражескому клинку отзывались жгучей болью в обожжённой ладони, сводя пальцы судорогой.

— Думай, думай... — слышал он за спиной голос напарницы.

— Аня, осмотрись вокруг, — полукровка с трудом увернулся от мощнейшего удара. Меч просвистел над головой и чиркнул по стене, сбив с неё картину. — Тут повсюду картины. Ищи подсказку!

— Ника, тут восьмиглавый змей²⁶! — донёсся её голос. — Какого цвета у него глаза?

— Цвет... Конечно же. Красный. Красный.

— Ника, лови! — девушка бросила ему фонарь с красным фильтром.

В последний момент, когда клинок уже готов был вонзиться ему в горло, Ника поднял фонарь.

Красный луч ударил в линзы самурая.

Машина замерла.

Тишина.

²⁶ Ямата-но ороги, «восьмиглавый и восьмивострый великий змей») — дракон в синтоистской мифологии.

— Ты... Ты по-прежнему считаешь фонарь плохим? — победитель опустился на колени и тяжело дышал, хватая ртом затхлый воздух подземелья.

Анна бросилась к нему и обняла так крепко, что он застонал.

— Что? Где рана? — девушка тут же разжала объятия и отскочила.

— Чепуха. Царапина, — пытаюсь скрыть боль, он улыбнулся. — У вас говорят: «До свадьбы заживёт».

— Господин Романов-Имамото, — Анна изобразила менторскую интонацию, — вы неправильно произнесли слово. Правильно говорить — у нас говорят. Россия теперь ваш дом.

Их губы встретились — горячие, дрожащие, солёные от пота и крови.

— Никогда больше не лезь под меч, дурачок, — прошептала она, прижимаясь лбом к его плечу. — Не смей рисковать собой. Слышишь, я умру... без тебя.

Всхлипывания девушки утихли, Ника вытер ей слёзы рукавом, и они поднялись, чтобы осмотреть поверженного противника. Полукровка расстегнул замки на самурайском шлеме и аккуратно снял его. Под шлемом оказалась голова робота, сделанная из неизвестного композитного материала.

— Понятно, — Ника внимательно рассмотрел линзы. — Камеры с высоким разрешением и встроенные фотоэлементы в маске. Но технология далеко не из нашего времени, а может, даже и не земная.

Ника посмотрел на Анну — и снова эта улыбка: невинная, как у ребёнка, и непроницаемая, как у сфинкса.

— Что?

Девушка вместо ответа полезла самураю под доспехи и извлекла висящий на металлической цепочке ключ, похожий на многолучевую звезду. Он идеально лёг в углубление на шкапулке.

Ключ провернулся, тихим щелчком открывая замок.

Внутри, на бархатной подушке, лежал медальон — тот самый, что полукровка видел в своих снах.

Два дракона, сплетённые в вечной битве.

И надпись на санскрите:

«Вкусив императорской крови, оседлаю время».

Анна протянула руку, но Ника остановил её:

— Подожди...

Где-то в глубине усадьбы жалобно скрипнула дверь, и эхо этого звука поползло по пустым коридорам.

Кто-то шёл... Значит, за ними и вправду следили. Выходило, артефакт искали не только они.

Анна схватила медальон, лежавший на бархатной подушечке, и быстрыми движениями коснулась на нём нескольких точек в определённой последовательности. Механизм ожил: по металлу забежали переливающиеся огоньки, а перед лицом девушки возникла голографическая

панель с непонятными шкалами и символами. Она уверенно передвинула несколько ползунков и установила вводные данные:

29 августа 1885 года, Земля, 34.5967 градуса северной широты, 136.5333 градуса восточной долготы.

— Анна, кто ты? — произнёс Ника почти шёпотом, поняв, что девушка ввела координаты места где-то в Японии. — Может, пора объясниться?

— Я всё объясню потом, — сказала Анна, одарив его своей фирменной обворожительной улыбкой. — А сейчас мне нужна всего одна капля твоей крови.

Он даже не успел среагировать, как она взяла его за руку. Из потайного кармана на поясе брюк она достала что-то похожее на хирургический скальпель.

Ника резко дёрнул руку назад, будто его коснулись раскалённым железом.

— Стоп! — его голос прозвучал как удар катаны, рассекающий воздух. — Либо говоришь всё прямо сейчас, либо я ухожу. Других вариантов нет.

Анна застыла. Слезы, искрясь в свете лампы, повисли на её ресницах. Глубокий вдох — и слова полились, срываясь с дрожащих губ:

— Ты прав... Я должна была сказать раньше... — её пальцы судорожно сжали скальпель. — Я из две тысячи шестьсот тридцать восьмого года. Земля... — она сглотнула. — Её больше нет. Всё сгорело в ядерном огне. Но ты... Ты можешь всё изменить. Твоя кровь — ключ. Ты — моя последняя надежда. Они уже близко, Ника... Умоляю...

— Кто эти люди на моей части фотографии?

Анна напряжённо сжала губы и отрицательно покачала головой.

— Не сейчас... Просто верь мне...

На несколько секунд в комнате повисло молчание. Затем Ника медленно протянул руку.

Лёгкое прикосновение — и на коже выступила кровь.

— Потерпи, — прошептала девушка, приложив окровавленный палец Ники к центральному углублению медальона.

— Неужели это... так просто? — спросил он, чувствуя, как металл нагревается под его пальцем.

— Не волнуйся, любимый, — произнесла Анна, глядя ему прямо в глаза. — Это всего лишь небольшое путешествие... в прошлое.

И мир вырвался из подземелий старого Ораниенбаума.

Слепящая вспышка ударила по глазам тысячей раскалённых игл. Тело взорвалось болью: мышцы рвались, жилы звенели, кости трещали, словно безжалостное время перемалывало его в своих жерновах. Затем — долгое падение в пустоту, тошнота сдавила горло... И снова — непроглядная тьма.

Холодная, густая, пропитанная запахом сырости и старых камней. Где-то в темноте монотонно капала вода.

— Аня?

Вместо ответа чиркнула зажигалка.

Оранжевый огонёк осветил пространство. В двух шагах от них на полу стоял точно такой же фонарь, как в подземелье Ораниенбаума — керосиновый, с закопчённым стеклом.

Девушка подняла его и подожгла фитилёк, всё ещё пропитанный керосином. Дрожащий свет робко заплесал по стенам, разгоняя мрак.

— Штольня, — пробормотал Ника, разглядывая грубо отёсанные камни и кучу щебня в углу. Воздух здесь был сырым, но не затхлым — значит, выход где-то рядом.

— Кажется, слева тянет свежим воздухом. — Он провёл ладонью по холодной кладке. — Стена сухая. Похоже, выход там.

Анна не ответила. Она уже шла вперёд, к едва заметному просвету в конце коридора.

Через двадцать-тридцать шагов тоннель упёрся в вертикальный колодец, резко уходящий вверх. Через его горловину лился дневной свет — такой яркий, что пришлось зажмуриться.

— Нам нужно чудо, — Ника постучал пальцами по гладкой каменной кладке. Время сгладило все неровности, оставив лишь отполированные блоки. — Или, возможно, у нас внезапно вырастут крылья...

Путешественница во времени уже присела на корточки, ковыряя пилкой для ногтей едва заметную щель у основания стены.

— Помоги, — бросила она, не отрываясь от работы.

Раствор между камнями крошился легко, словно его специально ослабили. Ника вставил пальцы в щель, нащупал край блока — и вытащил его.

За камнем оказалась ниша.

И в ней — верёвка.

Длинная, прочная, с туго завязанными узлами через каждые полметра. А на конце — металлический прут, холодный и тяжёлый.

— Кто-то явно оставил это для нас, — сказал Ника, подбрасывая прут в руках. — Осталось только метнуть этот «дротик» наружу.

Анна лишь пожала плечами:

— Для самурая — раз плюнуть. Давай.

Прут взметнулся вверх, звякнул о что-то каменное — и верёвка натянулась, как струна.

Через минуту они уже стояли на склоне холма, залитого солнцем.

Перед ними расстилалась долина — рисовые поля, дымок над крышами деревенских хижин, далёкая лента реки, впадающей в море.

И тишина.

Такая, какая бывает только в местах, где время замедляет свой бег.

— Где мы? — выдохнул Ника.

— Мацусака²⁷, одна тысяча восемьсот восемьдесят пятый год, — ответила Анна, смахивая с волос налипшую паутину. — За пять лет до визита цесаревича Николая в Японию. Здесь всё начинается. И здесь мы должны изменить судьбу.

— Что ты имеешь в виду? — Ника огляделся, чувствуя, как в воздухе пахнет дымом и запахом жаренной говядины «Шабу-шабу».

— Цудо Сандзо²⁸. Полицейский, который позже нападёт на цесаревича. Сегодня вечером у него намечается конфликт с начальником-англичанином. Он напьётся с горя, потому что любит женщину, ставшую женой его командира. Именно сегодня зародится ненависть в его сердце ко всему чужому.

Ника нахмурился:

— Но какое отношение это имеет к нам?

Загадочная гостья из будущего глубоко вздохнула. Она взяла с земли камешек, пару раз подбросила на ладони и без цели швырнула в лес. Она явно нервничала.

— Ника, слушай... Дело сложное и малоприятное. Но ты должен, — она бросила в лес очередной камень. — Ты убьёшь Цудо. Ты должен это сделать.

Между ними повисла тишина, густая, как перед раскатом грома.

Секунду, другую Ника просто не мог выдохнуть, словно получил удар поддых. Мозг отказывался собирать эти слова в осмысленную фразу. Убить? Я?

— Что?! — его голос сорвался от неожиданности. — Ты забыла, что наполовину я — японец? Предлагаешь закрыть на это глаза? Я рос в стране, где меня звали полукровкой, это

²⁷ Мацусака — город в Японии, находящийся в префектуре Миэ региона Кинки.

²⁸ Цуда Сандзо — японский полицейский, совершивший покушение на цесаревича Николая Александровича (будущего Николая II) 11 мая 1891 года во время его визита в Японию. Этот инцидент известен как «инцидент в Оцу».

я, а не ты слышал за спиной шёпот «гайдзин». Теперь ты предлагаешь мне действительно им стать? Жестоким, кровожадным варваром?

— Он станет началом цепочки, которая сначала приведёт к нападению в Оцу, затем к большой войне, — Анна поднялась и повернулась лицом к городу. — Я знаю, ты меня осуждаешь... Он всё равно погибнет. Не от твоего меча сегодня, так через шесть лет в Хоккайдо²⁹, от пневмонии. Но цепь событий, ведущих к гибели Земли, уже будет запущена, и её не остановить.

— Не говори мне о цепочках! — его руки сжались в кулаки, и он впервые за всё время смотрел на неё не как на возлюбленную, а как на опасного, чужого стратега. — Ты думаешь, о чём говоришь? Карать человека за то, что он ещё не совершил? Это же шизофрения! Нет, я на это не подписываюсь. Я не буду убийцей.

Девушка не сдавалась, она провела рукой по воздуху, будто очерчивая мир перед ними.

— Мы потеряем всё это. Если не остановим Цудо Сандзо. — Анна с силой швырнула новый камень вдаль. — Запустится временной сценарий, который в две тысячи четыреста восемьдесят девятом уничтожит эту планету. Человечество выживет, но нас разбросает по всей галактике... У нас больше не будет дома.

— Аня, ты меня не слышишь! — Ника наступил на камень, который девушка собиралась поднять с земли. — О Небо! За что мне всё это? В Киото в меня стреляли, в Питере набросились с мечом, а в Мацусакэ, и того хуже, предлагают стать убийцей.

— Не убийцей, — в глазах Анны выступили слёзы. — Я предлагаю тебе стать героем. Кроме тебя, спасти Землю никому. Человек с такой редкой кровью, как у тебя, появится ещё не скоро. Будь дело в одном Цудо, мы бы обошлись своими силами.

— Не говори о героизме... — полукровка сжал девушке плечи. — Герой не тот, кто убивает из засады, не дав противнику даже шанса поднять меч?

И в то же время ледяной голос в его голове, голос историка, понимал её логику. Чёртову безупречную логику. А другая половина, японская, воспитанная на самурайских легендах, содрогалась от одной мысли о таком поступке.

Он отступил, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Он стоял, разрываемый на части, и не мог вымолвить ни слова.

— Пойми, — продолжила Анна. — Как думаешь, знай Цудо Сандзо, к чему приведёт неудавшееся покушение на цесаревича, стал бы он обнажать меч?

Ника не ответил, только молча кивнул.

— Разве обязательно его убивать? — Он шагнул к Анне и посмотрел в её влажные от слёз глаза. — Можно же объяснить... Я не знаю... Рассказать ему правду, в конце концов. Или посвятить во всё самого цесаревича.

— Я уже это проходила, — она вытерла слёзы, и её лицо вдруг стало каменным, бесстрастным. — Ты думаешь, мы не пробовали? Пробовали. Девятнадцать раз. В девятнадцати временных линиях. Каждый раз одно и то же. Он слушает. Плачет. Обещает. А потом пьёт... Всё приводит к одному и тому же финалу. Ника, только ты можешь разорвать эту временную петлю.

Она посмотрела на него с бесконечной жалостью, в которой была вся правда.

— И есть ещё одна причина, которую я скрывала. Этот сценарий... Ты должен об этом знать. Все девятнадцать раз ты отказывался убивать Сандзо, и роль убийцы я брала на себя... Я убивала его, но Вселенная каждый раз выправляла ситуацию, и всё равно всё заканчивалось кровью... И я теряла тебя. Я не хочу проходить через это снова. В этот раз я знаю, как нужно поступить, и это сработает... Но меч теперь должен быть в твоих руках.

²⁹ Хоккайдо — второй по величине остров Японии, до 1869 года известный как Эдзо. Хоккайдо располагается в северной части Японских островов.

Она не смотрела на него, а разглядывала свои ладони, будто вновь видя на них невидимую кровь. — Ты должен.

Он отступил на шаг, оглядев долину... Теперь ловушка захлопнулась окончательно. Он стал заложником не только судьбы мира, но и их с Анной общей трагедии.

Теперь вопроса «убивать или нет» не стояло. Он должен выбрать между двумя видами убийства: убийством одного несчастного или бездейственным соучастием в убийстве всего живого.

Это был не выбор. Это была ловушка. И он только что понял, что уже много лет, с самого рождения, находится в её центре.

Он медленно, тяжело кивнул. Это был кивок человека, который ещё не знает, сможет ли это сделать, но уже понимает, что другого пути ему не оставили.

— Что будет с нами?

— Если ты обо мне... — голос Анны дрогнул. — Знай, всё, что было между нами...

Он не дал ей договорить. Резким движением он притянул её к себе и прижал так сильно, как будто хотел навсегда впечатать в память тепло её тела, её запах, её сердцебиение — всё то, что он, возможно, сейчас навсегда похоронит в себе, совершив этот поступок.

— Молчи, — прошептал он ей в волосы. — Не надо больше слов. Просто... будь рядом.

Отпустив её, он отвернулся. Лицо его было каменной маской. Внутри бушевало всё, но наружу не прорвалось ничего.

— Показывай тайник, — глухо бросил он через плечо. — И давай быстрее. Пока я ещё хоть что-то могу.

Через час они добрались до тайника. Под тяжёлым камнем их ждали свёртки с одеждой, оружием и деньгами.

Ника сразу же ухватился за мечи: два великолепных клинка в изысканных чёрных ножнах. Настоящая самурайская пара дайсё — длинная катана, дайто, и её короткий собрат, вакидзаси.

Одежда из тайника сидела на нём идеально, будто была сшита по мерке. Он туго подпоясался красным поясом, заткнул за него мечи и медленно, со свойственной самураю сдержанностью, совершил полный оборот, оценивая себя. Вылитый самурай с картины. Его самолюбование прервал придирчивый взгляд Анны.

— Хорош, — с лёгкой усмешкой заключила она. — Прямо сейчас в адъютанты к Сайго Такамори.

Девушка бросила ему небольшой, но увесистый кожаный мешочек. Внутри позвякивали монеты.

— Бери. Спрячь за пояс и забудь. Это на чёрный день. Эн-зэ... Авось пригодится.

Они без труда прошли на торжество — костюмированная вечеринка в доме начальника полиции давала им шанс остаться незамеченными. Ника переоделся в костюм местного чиновника, а Анна, в светло-розовом кимоно, с волосами, собранными в аккуратный пучок, казалась воплощением весны. Девушка повязала пояс оби бантом спереди, на манер японских куртизанок. Этот образ идеально подходил для их цели.

Цудо Сандзо сидел в дальнем углу сада. Высокий, широкоплечий, с глазами, полными глухой, невысказанной боли. Он слишком много выпил и сидел в одиночестве, сжимая в руке фотографию, которую, должно быть, носил с собой годами.

Анна сделала первый шаг. Со стороны её улыбка казалась лёгкой, но Ника, знавший каждую её настоящую улыбку, видел, как она натянута, будто маска. Она говорила, смеялась, но в её смехе звучала фальшивая, слишком высокая нота. Анна не флиртвала — она разыгрывала

вала спектакль, и Нике, наблюдающему со стороны, было мучительно видеть, как его девушка себя насирует. Когда она наливала сакэ³⁰, он заметил, как мелко дрожат её пальцы, сжимающие сосуд.

«Её тошнит от этого», — с жестокой ясностью подумал он. «От каждого слова, от каждой улыбки. И она делает это ради нас... ради того, чтобы я смог это сделать».

Цудо и без того уже изрядно выпил, но стараниями «куртизанки» полицейский совсем расслабился, превратившись в форменного болванчика для отработки ударов мечом. К тому моменту, когда Ника приблизился, он уже почти не помнил своего имени.

— Ты... знаком с моей девушкой? — холодно спросил полукровка. Он взял из рук Анны сакадзуки³¹ и презрительно выплеснул содержимое в песок.

Цудо нахмурился. В глазах мелькнуло подозрение. Он встал. Рука невольно потянулась к мечу.

Секунда.

Удар.

Клинки со звоном столкнулись, словно две молнии в ночи.

Бой вышел жестоким. Цудо дрался отлично, несмотря на то, что был сильно пьян — сказывалась выучка сына самурая. Но Ника действовал интуитивно, будто в его мышцах оживала родовая память. Каждый выпад, каждый блок словно оттачивал веками. Он дрался как тигр. Неумолимо. Жёстко. Изящно.

Он отразил атаку, отбросил противника к стене и в следующее мгновение нанёс ответный удар. Точное, сокрушительное движение. Лезвие с хрустом рассекло ключицу, и Цудо с подавленным стоном рухнул на колени, выронив меч. Он был повержен, но ещё жив.

— Зачем... — прохрипел он, захлёбываясь кровью.

Ника не ответил. Какие могли быть слова? Он сделал шаг вперёд. Его взгляд на мгновение встретился со взглядом Анны — она стояла неподвижно, бледная как смерть, и в её глазах он прочёл тот же немой ужас, что испытывал и сам.

Меч взметнулся и опустился по короткой, страшной дуге. Удар был милосердным и точным.

Тишина окутала сад...

Ника стоял над телом, тяжело дыша. Он смотрел не на Цудо, а на свой клинок, с которого медленно, густыми каплями стекала кровь.

Где-то вдалеке смеялись гости, не подозревая, что веселье только что закончилось.

Он вытер клинок, швырнув окровавленную ткань прочь.

— Прости. Ничего личного. Просто так вышло.

Темнота подземелья сомкнулась над молодыми людьми, словно живое существо. Ника на ощупь нашёл нишу и аккуратно уложил туда верёвку с металлическим штырём — их спасительный инструмент, уже доказавший свою ценность. Пальцы его дрожали, но не от холода сырых стен. Оттого, что ещё помнили вес клинка, рухнувшего вниз по дуге, и упругое, жуткое сопротивление, сменившееся пустотой.

«Медальон активируется только в особых точках — на пересечении временных узлов, — где подземные потоки энергии Земли пробиваются сквозь базальтовые пласты», — голос

³⁰ Сакэ — традиционный японский алкогольный напиток, который получают путём ферментации риса с использованием воды, дрожжей и особого плесневого грибка — кодзи. В Японии его также называют нихонсю (дословно «японский алкоголь»)

³¹ Сосуд для сакэ — плоский сосуд, в котором подают традиционный японский рисовый алкогольный напиток.

Анны звучал приглушённо в замкнутом пространстве. Её слова о «временных узлах» и «энергетических каналах» тонули в навязчивом гуле — том самом, что стоял в ушах после удара: смех гостей, хрип Цудо и свист стали.

Он машинально кивнул, сжимая кулаки так, будто хотел раздавить в ладонях призрак рукояти. Тень того убийства лежала на его душе не камнем — открытой, незаживающей раной, из которой сочилось чувство чужой, не своей вины. Кровь на руках, пусть и пролитая ради праведной цели, не давала покоя.

Он закрыл глаза на секунду. И за веками вспыхнул последний взгляд Цудо: не ненависть, а тупое, пьяное недоумение. «Зачем...»

Снова медальон сверкнул яркой вспышкой...

В этот раз они выходили через подземные галереи под русским кладбищем на горе Инаса³². Анна без колебаний дёрнула скрытый рычаг. Каменные плиты над головой с глухим скрежетом разошлись, открывая винтовую лестницу, залитую призрачным светом.

Когда они выбрались из часовни Святого Николая, лёгкая дрожь под ногами возвестила о закрытии древнего прохода. Ника задержал дыхание — где-то там, в глубине, остались его сомнения и боль, а впереди... Впереди только время, которое им предстояло изменить...

³² Гора Инаса — холм к западу от Нагасаки, который поднимается на высоту 333 метра (1093 фута).

Глава 6. Белый сёгун

Нагасаки жил в ожидании чуда. В порту царило необычайное оживление: на рейде выстроились шесть кораблей русского флота во главе с фрегатом «Память Азова». Не успел рассеяться дым от приветственных залпов японских судов, как лавки распахнули двери, а на кухнях таверн и кабаков закипела работа.

Сковороды шкворчали, к потолку поднимался пар, а в головах хозяев уже крутились мысли о скором богатстве.

Город гудел, как пчелиный улей. Крики торговцев, смех, лай собак, скрип колёс, стук молотков по дереву — всё сливалось в единую симфонию ожидания.

Цесаревич Николай повсюду стал «белым сёгуном», а его спутник, принц Георг Греческий, — «русским принцем». Простой портовый люд понятия не имел, как выглядят эти высокопоставленные гости, да и вряд ли кого-то это волновало: кому какое дело, кого называть цесаревичем, а кого — сёгуном?

Но если весь город тянулся к порту, как мотыльки к огню, Ника и Анна шли в противоположном направлении.

— Куда мы идём? — спросил полукровка, когда Анна свернула на узкую тропинку, ведущую прочь от гавани. — Разве мы не должны следить за цесаревичем?

— Меня, а тем более тебя, к наследнику и на пушечный выстрел не подпустят, — ответила она, ловко придерживая кимоно, чтобы не запутаться в подоле. — До Пасхи цесаревичу ничего не грозит. Он может дурачиться с братцем Джорджи сколько угодно, но священную черту не переступит. Я в этом уверена.

— Думаешь, молодёжь будет соблюдать церковные каноны, когда, кажется, все гейши и куртизанки Японии собрались в порту?

— Я не думаю — я знаю, — сказала она с лукавой усмешкой, как старшая сестра, не раз видевшая, как мальчишки теряют голову. — Святым Николаем его точно не назовёшь. Но и последнего греха на душу в Страстную неделю он не возьмёт. Поверь мне.

— Тогда почему мы уходим от порта, а не идём к нему?

— Помолчи. Сейчас узнаешь.

Анна замедлила шаг. Внимательно огляделась. Убедившись, что их никто не видит, она свернула в узкий переулок. Там по деревянному жёлобу текла чистая вода — вероятно, из горного источника. В воздухе пахло влажной древесиной и свежестью, как после дождя.

Тропинка постепенно поднималась в гору. Вместо пёстрых вывесок и толп людей — только деревянные заборы, тени и лёгкий ветерок, колышущий листья персиковых деревьев.

В этой части города, в отличие от кварталов, примыкающих к гавани, было почти пусто. Дома здесь были без особенного изыска — типичные японские минки с черепичной крышей и деревянным забором. В ворота одного из таких домов и вошла наша пара.

Во внутреннем дворике под персиковым деревом на топчане сидел старик, древний, как весь этот мир.

Ника замер, наблюдая за Анной. Она преобразилась. Плечи расправились, взгляд стал твёрдым и прямым. Когда она заговорила, из её рта полилась безупречная, высокая японская речь — та самая, на которой говорили в Киото при дворе. У Ники, рождённого и прожившего в Японии больше четверти века, перехватило дыхание. Так могла говорить только уроженка этих островов, да ещё из знатной семьи. Как это возможно?

— Доброго дня, сэнсэй, — сказала она. — Я принесла вам добрую весть.

— Добрым вестям, дочка, старики вроде меня всегда рады, — хозяин пригласил гостей присесть на свободный топчан. — Что это в порту сегодня гроыхало? Не война ли началась? И почему вы сейчас не там, где собрался весь люд? Да будет вам известно, я больше не делаю

татуировок. Императорский указ от одна тысяча восемьсот восемьдесят второго года поставил мою профессию вне закона.

— Закон запретил украшать и изменять тело человека, но там ничего не сказано о его душе, — Анна произнесла последние слова и пристально посмотрела в его глаза. — Мы здесь из-за другого вашего умения.

Анна достала из складок своего кимоно платок, на котором был вышит чёрный дракон с жёлтыми рожками, красным брюхом и зелёными лапами.

Увидев вышивку, старик на мгновение замер, затем довольно проворно поднялся, почти-тельно поклонился Анне и, не сказав ни слова, вошёл в дом. Через несколько минут он вышел, одетый с иголки, словно японский князь, с изящным плетёным сундуком в руках.

— Госпожа, я сделаю всё в лучшем виде, — необычный старик снова отвесил глубокий поклон. — Я знаю, где вы остановились. Будьте дома, завтра за вами зайдёт мой человек и отведёт вас туда, куда нужно.

Хозяин дома подождал, когда его гости выйдут, запер дверь и, больше не проронив ни слова, торопливо исчез из виду, свернув в очередной узкий проулок.

Ника не мог оторвать взгляда от запертой двери. В голове гудело от вопросов. Кто этот старик? Что за умение? И главное — кто она, эта девушка, перед которой склоняются такие люди?

— Как это понимать? — наконец вырвалось у него. Он театрально повторил глубокий поклон старика и, подражая его интонации и скрипучему тембру голоса, спросил: — Госпожа, вы не так просты, как кажется. Кто вы? И что это за картинка, увидев которую столетний старик чуть не распластался у ваших ног?

Цесаревич Николай с самого утра был сам не свой. В его каюте на «Памяти Азова»³³ витала необъяснимая хандра — та самая, что приходит, когда молодость и свобода духа натываются на непробиваемую стену обстоятельств. Двадцать два года — возраст, когда другие гуляют, пьют, любят. А он, наследник престола, был заперт на корабле, в то время как офицеры и матросы вольготно растеклись по кабакам и борделям Нагасаки.

Он сидел за пианино, которое и впрямь, казалось, страдало от этой тоски. Уже битый час его пальцы выстукивали одну и ту же мелодию — «Гори, гори, моя звезда». Он искал в ней хоть искру того погасшего пламени, но не находил. Звук выходил сухим, безжизненным, словно его собственное сердце остыло.

— Ники, чего кислый, как квашеная капуста?

В каюту, будто ураган, ворвался принц Георг Греческий³⁴. Смеющийся, раскрасневшийся, от него пахло сакэ, а в глазах стоял тот самый озорной блеск, который Николай знал с детства и который всегда предвещал проблемы. Георг был его полной противоположностью и жил по принципу «здесь и сейчас», не обременяя себя мыслями о последствиях.

— Ты что грустишь? — продолжил двоюродный брат, плюхаясь рядом. — Всё из-за Пасхи?

Николай не ответил. Только провёл пальцем по холодным клавишам и резко захлопнул крышку. Звук гулко отдался в тишине каюты.

³³ «Па́мять Азо́ва» — броненосный (полуброненосный) фрегат (с 01.02.1892 г. — «средний» броненосный крейсер 1 ранга) российского флота. Назван в честь парусного линейного корабля «Азов», отличившегося в сражении при Наварине.

³⁴ В 1891 году 23-летний цесаревич Николай вместе с двоюродным братом Георгом Греческим (вторым сыном короля Греции Георга I) прибыл на фрегате «Память Азова» в Нагасаки.

— Я смотрю, как другие обзаводятся «временными жёнами», и завидую, — вырвалось у него почти шёпотом. — Мне тоже хочется... Но в Страстную неделю как-то неудобно.

— Да полно тебе, Ники! — Георг рассмеялся его наивности. — Тебе всего двадцать два! Ты что, старик, чтобы скрипеть суставами и бояться жизни?

Он швырнул на стол фотографию. Снимок их английского родича, принца Георга, с татуировкой на плече.

— Посмотри, как он хвастает! Будет потом всем рассказывать, что русский Ники струсил. Ты же знаешь, как он умеет приукрасить.

Что-то внутри Николая дрогнуло, сжалось, а потом резко отпустило.

— А что? — он встал так резко, что табурет отъехал назад. Расстегнул манжет, закатал рукав. — Давай и я себе что-нибудь наколю. Вот сюда, на правую руку.

Георг хлопнул в ладоши, и его лицо озарила победоносная улыбка.

— Вот это другой разговор! — он уже рванул к двери. — Прикажу спустить бот. Поедем в город. Найдём лучшего мастера в Японии. Кто как не ты заслужил право носить дракона!

Мастер Хориёси

Час спустя он ступил на пирс Нагасаки, стараясь сохранить на лице привычную сдержанность, под которой бушевало странное, почти мальчишеское возбуждение. Рядом Георг, как всегда, разыгрывал свой спектакль — улыбался, подмигивал, бросал монетки и скупал всякий хлам, о котором забудет ещё до вечера.

Город пролетел мимо них в ароматах жареной рыбы, риса и дыма. Смех из лавок, молчание буддийских изваяний в полутьме храмов — всё это было чужим, ярким фоном для его внезапной решимости.

Мастер Хориёси, к которому они в итоге попали, смотрел на него с немим изумлением, граничащим со страхом. В его мастерской пахло бумагой, тушью и тонким дымком очищающих свечей.

— Вы хотите сделать татуировку? — переспросил старик, и Николай лишь кивнул.

— Да. Что-то японское. Красивое.

Мастер разложил перед ним эскизы. И один из них... один приковал взгляд сразу. Дракон. Чёрный, с жёлтыми рожками, красным брюхом, зелёными лапами. Николай не мог оторваться. В этом рисунке было что-то до боли знакомое и необходимое ему именно сейчас — дикая сила, закованная в совершенную форму, обещание защиты, которое исходило от самой свободы. Что-то звало его, говорило с ним на языке, которого он не знал, но понимал всем нутром.

— Это... необычно, — сказал он, проводя пальцем по контуру, почти ощущая подушечкой обещанную силу линий. — Мне нравится.

— Это Рю-но-Хого, — пояснил мастер. — «Щит дракона». Он не просто украшает. Он защищает.

— Звучит как раз для меня, — усмехнулся Николай, уже чувствуя этого дракона частью себя.

Мастер замялся, опустил глаза.

— Вы должны знать... в Японии татуировки — клеймо для преступников или изгоев. Для вас это... приемлемо?

Пусть клеймо, промелькнуло у Николая. Хоть какое-то, своё, не навязанное рождением.

— Она будет напоминать мне о Японии, — сказал он вслух. — Но я хочу, чтобы вы пришли на корабль. Моей охране не понравится, если я застряну здесь надолго.

Хориёси задумался, но кивнул.

— Возьму с собой помощников. И ещё одного мастера. На случай, если рука устанет.

— Договорились, — ответил цесаревич, и в его голосе впервые за этот день прозвучало твёрдое, почти радостное ожидание. — Завтра вечером.

Когда они покинули мастерскую, Николай остановился у ворот.

— Странно, — сказал он задумчиво. — Я не могу вспомнить, где я раньше видел этого дракона.

— Может, во сне? — пожал плечами Георг. — Или в бреду после вчерашнего?

— Нет, — цесаревич покачал головой. — Это было раньше. Гораздо раньше.

Скамья казалась Нике невероятно твёрдой. Он и Анна, одетые как местные ремесленники, наблюдали за разговором цесаревича с мастером уже полчаса.

— Он её выберет, — прошептала рядом Анна. — У Хориёси есть свои секреты. Он вложит в рисунок нужное нам послание, и Николай его почувствует.

Слова подтвердили его догадки, но от этого не стало спокойнее.

— Я понял, — ответил Ника. — Он не может её не выбрать. Это что-то типа внушения.

— Но тогда почему ты такой мрачный?

Внутри всё сжалось. — Потому что я не уверен, что мы делаем всё правильно, — сказал он. — Мы меняем историю. А это опасно.

— Тогда будем надеяться, что история нас простит, — улыбнулась она.

Её улыбка казалась ему одновременно прекрасной и пугающей. Слишком уж она была уверена в своём праве вертеть судьбами.

В восемь вечера за ними зашёл юноша, посланный мастером Хориёси. Он проводил их прямо к пристани, где их уже ждали. Сам мастер, его ученик — мастер Асао — и двое подмастерьев.

На берегу было прохладно, несмотря на полный штиль. Весна только вступала в свои права, и море ещё не избавилось от зимней стужи. Оно нашептывало свои тайны утлым рыбацким лодкам, нежно покачивая их на волнах.

А город не спал. Человеческий улей продолжал гудеть, взбудораженный главным событием дня — прибытием русской эскадры с двумя принцами на борту. Об этом визите город ещё не скоро забудет. В портовых кабаках и борделях, заработавших за сутки столько, сколько обычно за месяцы, кипела ночная жизнь. Сакэ лилось рекой под аккомпанемент грубого смеха русских матросов и мелодичного щебетания местных куртизанок. Жрицы любви ликовали, получив в одночасье столько новых и щедрых клиентов.

Не отставали и торговцы, сбывавшие всё, что только можно было продать. Сколотив за день немалую прибыль, они теперь спешили заготовить ещё больше товара, радуя своих поставщиков.

Дзинрикши³⁵ тоже не остались внакладе. Правда, бедолагам пришлось изрядно побегать, возя любопытных матросов по всем питейным заведениям Нагасаки. А уж разъезды принцев, искавших мастеров тату, и вовсе принесли им золотые горы.

Короче говоря, визит русской эскадры обрадовал всех. И чем дольше корабли простоят на рейде, тем богаче станет город.

Спустя четверть часа на пирсе заметили вдали огонёк фонаря с вёсельного бота, посланного цесаревичем за мастерами.

Ещё через час Ника помогал старому Хориёси раскладывать пузырьки с красками. В каюте цесаревича, отделанной дорогим деревом, пахло сакэ и цитрусовыми нотками дорогих духов «Ралле и Ко». Всё здесь, от бронзовых подсвечников до дверных ручек, кричало о величии империи — Александр Третий не скупился на корабль для сына.

Ника видел, как Анна, проходя мимо массивного орехового стола, будто случайно скользнула взглядом по разложенным бумагам. Среди портретов царственной семьи лежал исписанный лист. По едва заметному изменению в её осанке, по чуть сжавшимся губам Ника понял: она узнала этот почерк. Значит, Николай хранил письма Кшесинской³⁶. Перечитывал их.

Похоже, путешествие прервало их бурный роман, но не убило чувств.

И цесаревич, судя по всему, был не в духе. Он полулежал на кровати, сжимая в кулаке скомканный листок, а потом с досадой швырнул его под стол. Нике показалось, что с выброшенным смятым письмом цесаревич выбросил и свою хандру. Вскоре его внимание плавно переключилось на Анну.

Ника почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Взгляд цесаревича, прежде мрачный, теперь ожил и стал изучающим. Он скользил по красивому, совсем не азиатскому лицу Анны, выискивал соблазнительные изгибы под воздушным кимоно. На губах Николая появилось подобие лукавой улыбки.

³⁵ Дзинрикши (от японских слов «дзин» — человек, «рики» — сила, «ся» — повозка) — это вид транспорта, распространённый в Восточной и Южной Азии, где человек тянет за собой двухколёсную коляску с пассажирами. Слово «рикша» — искажённое произношение «дзинрикши».

³⁶ Матильда Феликсовна Кшесинская — русская и французская артистка балета и педагог польского происхождения, прима-балерина Мариинского театра. Заслуженная артистка Императорских театров (1904).

Кровь ударила в виски. Ника сжал кулаки так, что едва не раздавил глиняные пузырьки с пигментом и рисовой мукой. Он еле сдерживал порыв — шагнуть вперёд, заслонить её, одёрнуть этого царственного наглеца, который глазами буквально раздевал его девушку.

И цесаревич, кажется, это заметил. Его взгляд, скользнув с Анны на Нику, стал ещё более издевательским, нарочито медленным. Он словно проверял, дразнил, зная, что вызывает ярость, и получая от этого удовольствие. Ещё немного — и Ника бы сорвался. Ещё одно движение этих глаз...

Проницательный Хориёси, заметив искрящееся напряжение, деликатно устранил причину раздора:

— Анна-сан, отнесите этот пузырёк мастеру Асао, — велел он, а Нике молча указал взглядом на кобуку — ароматные кусочки агарового дерева, которые следовало разложить на слюдяные пластины и прогреть над пламенем свечей.

Анна с полуслова поняла намёк. Взяв флакон, она на секунду задержалась возле Ники.

— Будь сдержаннее, — шепнула она по-японски. — Он должен первым спустить лодку на воду...

Из складок кимоно она незаметно достала небольшой свиток и тихонько вложила ему в руки.

Затем Анна одарила наследника загадочной улыбкой, грациозно поклонилась и скользнула за дверь, оставив после себя пьянящий шлейф цветочного аромата.

Цесаревич, оставшись без её общества, не скрывал раздражения. Он провёл пальцем по краю стола, задумчиво посмотрел на дверь и пробурчал по-английски:

— Чёрт возьми, этот старик лишил меня единственного удовольствия.

Внутри всё сжалось в тугую комок. Ника знал — настал его момент. Он опустился на одно колено и протянул цесаревичу деревянный поднос с нежным узором из чёрного лака и перламутра. На нём лежала изящная коробочка, связанная алой лентой. Изнутри доносился лёгкий аромат рисового пирожного экубо с красной ямочкой посередине — знак, что душа девушки ещё не раскрыта.

Рядом с коробочкой лежал свиток — тот самый, что она только что вложила ему в руки.

— Его высочество получит куда больше, — сказал он тихо, на безупречном английском. — Имею честь передать приглашение от Моороки О-Мацу.

Николай с любопытством взял коробочку, повертел в руках, затем медленно перевёл взгляд на Нику. Удивление отразилось на его лице.

— О, вы говорите по-английски? Без акцента! Теперь понятно, почему ваше лицо кажется мне скорее европейским, чем японским. А что это за ритуал? Боже мой, расскажите подробнее!

Ника поднялся. Его руки двигались спокойно, но внутри бушевало напряжение. Он знал — одно неверное слово, и всё сорвётся.

— Мидзуагэ³⁷ — это обряд, — начал он, — посвящение майко в гейши. Двадцать второго апреля красавица О-Мацу станет женщиной. И право провести её в мир любви выпало вам. Любой мужчина в Японии счёл бы высшей честью...

Цесаревич нахмурился.

— То есть я должен... лишить её невинности?

— Мы, японцы, называем это даром зрелости, — мягко ответил Ника. — Не обязанностью. Не грехом. А великой честью.

Её семья будет помнить вас поколениями. А сама она станет самой желанной невестой Нагасаки.

³⁷ Мидзуагэ — обряд взросления гейши или юдзё (проститутки) в японской культуре.

Ника видел, как цесаревич развязывает ленту, разворачивает свиток, вдыхает лёгкий, знакомый аромат духов Анны. Видел, как в его глазах мелькают сомнение, любопытство и — да — азарт.

— Ваши обычаи несколько... диковаты для европейца, — наконец произнёс Николай. — Ладно, я согласен. Рассказывайте всё подробно. Ну же.

— Хорошо. Хориёси-сама не говорит по-английски, — Ника снова поклонился, бросив взгляд на мастера, который уже разогревал чернила и раскладывал инструменты. — Я с радостью всё объясню, пока он будет наносить рисунок на вашу руку.

Он сделал паузу, давая словам осесть.

— Мидзуагэ — это испытание. Не только для девушки. Но и для мужчины. Терпение — ключ к истинному наслаждению.

— Что вы имеете в виду? — спросил Николай, наклонившись вперёд.

— Плод с дерева вкусен только тому, кто умеет ждать, пока он созреет, — сказал Ника, чуть улыбнувшись. — И, как говорят в Нагасаки, тот, кто не выдержит двух ночей, не достоин ни плодов, ни чести.

Цесаревич задумался.

В его глазах мелькнуло что-то большее, чем простое любопытство.

Азарт. Желание. Предчувствие редкого, почти запретного подарка.

Ника знал, что сделал это правильно.

Он уловил, как во взгляде Николая блеснула заинтересованность.

Он чувствовал, как история сдвигается с места, как прошлое и будущее начинают переплетаться.

И в этот момент полукровка понял: цесаревич попался на удочку.

Он полюбит О-Мацу — и всё пойдёт так, как и должно было пойти.

А значит, в будущем, которое ещё не написано, у Ники будет место рядом с Анной.

Глава 7. Призраки Инасамуры

Прошло уже два часа с тех пор, как шлюпка с мастером Хориёси и его подмастерьями скрылась в ночной мгле. О сне не могло быть и речи — и дело было вовсе не в свежей татуировке. Рука почти не болела, да и сама боль вряд ли помешала бы уснуть, будь на то желание.

Но мысли не отпускали.

Перед глазами вновь и вновь вставало бледное лицо Мали, её дрожащие губы в тот миг, когда он сообщил об отъезде. *«Помнишь ли ты еще своего Ники? Кто теперь смешит тебя своими шутками, чьи письма ждешь с трепетом?»*

А ещё этот японец с его ревностью... Николай на мгновение задумался: как бы он сам поступил, увидев, как кто-то — пусть даже сам император! — пожирает глазами его возлюбленную? *«Хотя девушка и впрямь хороша... За такую и к барьеру выйти не зазорно».*

Николай бросил взгляд на берег, где мерцали редкие огни спящего Нагасаки, и вспомнил заинтриговавший его рассказ о ритуале. Разум цивилизованного человека предостерегал от участия в варварском обычае, но горячая кровь молодого мужчины бунтовала, жаждала новых острых ощущений. В конце концов, это всего лишь короткое дорожное приключение. Ему вдруг страшно захотелось курить, и это острое желание стало физическим проявлением его внутреннего смятения. Наследник тряхнул головой и решительно отогнал саму мысль об этом диком соблазне.

На палубе встретил его промозглый ветер. Сырость пробиралась под мундир, туман окутывал корабль мутной пеленой. Николай вспомнил, что оставил папиросы в каюте, но возвращаться не хотелось — там, на столе, лежало письмо от Матильды. Он знал себя: не удержится, перечитает вновь, и старые раны заболят с новой силой.

Беспокоить вахтенных из-за табака? Немыслимо.

Но тут нос уловил знакомый запах — тонкий, с примесью дорогого одеколона.

— Господин штабс-ротмистр, правда ли, что гусар гусару брат навеки? — Николай козырнул, подходя к бравому офицеру.

В ответ Евгений Николаевич молча протянул золотой портсигар.

— Узнаю вещичу, — усмехнулся цесаревич, беря папиросу. Этот портсигар он сам подарил другу на память о службе в полку. — Скажи, Женька, отчего на душе так скверно?

— Не дивись с утра, что морду раздуло, коли накануне мочился артиллеристу в дуло.

— Дело не в руке, — Николай расстегнул манжет, демонстрируя свежую татуировку. Дракон сверкнул во тьме. — Душа болит, Женя. Ты понимаешь? Душа жаждет... любви.

— А чего ж... — гусар оглянулся на огни города, мерцающие вдали. — Папенька-то не видит. Вон сколько огней — в каждом окошке по красавице. Слышал, наш фотограф временную жену себе взял? В чайном доме у Амати-сан живет. Расцвел, как роза майская.

— И каково это? — Николай щелчком отправил окурок в черную воду залива. — Говорят, японки — чудо как хороши...

— Может, и так, — штабс-ротмистр спрятал портсигар. — Сегодня у Владимира Дмитриевича³⁸ и спросим...

³⁸ Владимир Дмитриевич Менделеев (14 января 1865, Санкт-Петербург — 19 декабря 1898 [1], Санкт-Петербург) — офицер Российского императорского флота, инженер-конструктор водомётов и фотограф, автор грандиозного проекта плотины через Керченский пролив, один из авторов «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона»; сын русского учёного Д. И. Менделеева.

Восемнадцатое апреля одна тысяча восемьсот девяносто первого года. Дорога в Инасамуру³⁹.

Ранним утром двухместная коляска плавно катила по прибрежной дороге, везя Нику и Анну в Инасу. Один возница тянул её спереди, двое других подталкивали сзади, их босые жилистые ноги мерно шлёпали по пыльной дороге.

Ника с любопытством разглядывал изобретение своих предприимчивых земляков — Ёсуки Идзуми, Токудзиро Сузуки и Косуке Такаямы. Эта штука мягко пружинила на ухабах, амортизируя каждую кочку. Удобно, не поспоришь.

Ника понимал, что со стороны они выглядят как самая обычная сценка из жизни Нагасаки: скромный чиновник таможи везёт дорогую куртизанку в провинцию — похвастаться перед знакомыми, что может позволить себе элитную таю из лучшего чайного дома. И Анна играла свою роль безупречно. Лиловое кимоно с золотым шитьём, изящно подобранный пояс оби, томные полуопущенные ресницы. Каждый её жест, каждый взгляд кричал: «Я принадлежу к тем, чья благосклонность стоит дороже, чем месячное жалование русского мичмана».

Именно на это и был расчёт.

— Ты уверена, что цесаревич сегодня будет в «Кронштадте»? — спросил Ника по-английски, пряча смысл разговора от возниц.

Анна кокетливо прикрыла веером улыбку — точь-в-точь как настоящая таю.

— Ты всё забываешь, кто я, — игриво прошептала она, но глаза оставались холодно-серьёзными. — Наследник сейчас играет в бильярд с адъютантом Волковым и братцем Джорджи. Они в чайном доме Амати-сан, куда их пригласил фотограф Менделеев. Его «временная жена» Така Хидесима как раз представит наследнику Моороку О-Мацу... А к вечеру, когда сакэ сделает своё дело, они все потянутся в «Кронштадт».

Ника нахмурился. Внутри всё сжалось в тугую, тревожный комок.

— И как это поможет нам затащить цесаревича в подземелье под кладбищем? — резко повернулся он к ней. В глазах вспыхнуло что-то острое, почти враждебное. — Ты же историк. Ты понимаешь, к чему может привести такое вмешательство? Временная петля? Парадокс? Исчезновение нас самих?

Анна мягко положила руку ему на запястье. Её прикосновение, всегда неожиданно тёплое, заставило его вздрогнуть.

— Соберись, самурай, — тихо сказала она, и в её голосе впервые за день прозвучала не игривая таю, а твёрдая, знающая себя женщина. — Мне нужна твоя уверенность. Твоя сталь. Не твои страхи.

И, как всегда, это подействовало. Её слова, её взгляд разомкнули тиски сомнений. Даже если в его жилах текла кровь самураев, против такого сплава спокойствия и воли не устоял бы и сам Сайго Такамоти.

Возницы, будто почуяв изменение в атмосфере между пассажирами, ускорили шаг. Впереди, за поворотом, уже виднелись соломенные крыши Инасамуры...

³⁹ Инасамура (Инасу) — поселение в пригороде Нагасаки (Япония), которое называли «русской деревней». Оно возникло в XIX веке в период открытия Японии для иностранцев.

Он поймал её взгляд, и время будто остановилось. Этот взгляд, брошенный когда-то в прошлом, пронёсся сквозь века, чтобы достичь его. Сквозь войны, короны, потери и забвение. И вот он здесь, в этом зале, сейчас.

В её взгляде была вся боль, вся тоска и отчаяние, но вместе с ними — надежда. Всё, что есть между людьми: живое и мёртвое, прошлое и настоящее, наслаждение и боль, укор и клятва. Обещание, данное не словами, а душой. И ему открылось, что так умеет говорить только любовь.

Он преодолел полмира, чтобы в этой чайной комнате прочитать тайный шифр женского сердца и увидеть... себя в нём. Отражённого и понятого.

— Ваше высочество, позвольте представить, — на ломаном русском, путаясь от волнения, госпожа Тика Ходесима, временная жена лейтенанта Менделеева, указала на майко, которая только что закончила танец. — Моя подруга, Моорока О-Мацу.

— Привет. Я не говорю по-японски... — всё, что смог выдавить из себя Николай. Он вдруг почувствовал себя мальчишкой, растерявшим весь свой лоск и красноречие. Цесаревич был готов провалиться сквозь татами от стыда. Никогда прежде он, наследник престола, офицер, гусар в конце концов, не испытывал такого смущения.

— Этот танец, — сказала О-Мацу, поклонившись так изящно, что каждый изгиб её тела говорил больше слов, — мой подарок для вас. Миагэ.

Она взяла кото. Пальцы коснулись струн, и зал наполнился мелодией. Старинной, тихой. О любви, потерянной в бурях Цугару⁴⁰. О сердце, разбитом, но всё ещё живом. Музыка лилась не из инструмента, а из неё. Звуки проникали прямо в сердце Николая, словно целительный бальзам, залечивая открытые раны.

Когда последние ноты затихли, он не мог открыть глаза. Боялся, что волшебство развеется.

— Ты словно ласкала мою душу, — выдохнул он.

— Спасибо, что не отвергли мой выбор, — сказала ожившая ветка цветущей сакуры, вновь склонив голову, на этот раз почти интимно. — Согласившись стать моим даннэ, вы сделали меня самой счастливой в Японии.

Она бросила короткий взгляд на старшую гейшу у дверей. Та кивнула.

— К сожалению, оне-сан велит откланяться. Простите, я должна идти.

Но...

Я буду ждать той волшебной ночи.

И, словно лепесток, унесённый ветром, она скользнула к другим майко, которые уже собрались вокруг своей наставницы.

— О какой ночи она говорит? — Штабс-ротмистр Волков огляделся настороженно. Он вопросительно посмотрел на греческого принца, но тот лишь пожал плечами, выражая недоумение.

— Ваше высочество... Ники, это ты? Куда подевалась твоя хандра, дорогой брат? Клянись, воздух Нагасаки обладает магическим свойством исцелять раны, нанесённые стрелами Амура.

Николай не ответил. Он смотрел вслед О-Мацу. Даже когда её силуэт исчез за дверью, он всё ещё чувствовал её взгляд.

⁴⁰ Цугару (Сангарский пролив) — пролив между островами Хонсю и Хоккайдо (Япония), соединяет Японское море с Тихим океаном.

— Господа офицеры, не отправиться ли нам в русский каба́к «Кроншта́дт»? — Николай, уже изрядно выпивший, отмахнулся от адъютанта Волкова, который явно не одобрял эту идею. — Отстань, Женя... То есть, господин штабс-ротмистр лейб-гвардии гусарского Его Величества полка. В кругу земляков любой яд покажется нектаром. Владимир Дмитриевич, вас не зову — у вас есть дела поважнее. А ты, штабс-ротмистр, найми для нас рикш. Едем в Инасу. Немедля.

Въезжая в Инасу, Николай увидел, что их уже ждут. У входа в каба́к «Кроншта́дт» толпилась праздная, возбуждённая толпа. Весть о визите «белого сёгуна» опередила их рикш, и теперь казалось, будто весь воздух слободы звенит от перешёптываний. Прибытие столь высоких особ для жителей захолустья стало событием вселенского масштаба. Ради него стоило отложить все дела.

«Народ Инасы вовсе не глуп, — мелькнуло у Николая. — Люди смекнули, что визит таких гостей сулит зрелище. И не просто зрелище — историю, которую потом будут пересказывать внукам».

Хозяин заведения, лысеющий японец с лицом, блестящим от нервного пота, метался у входа, отчаянно жестикулируя. Увидев кортеж, он ринулся навстречу, судорожно оправляя кимоно.

— Освободите лучший кабинет! Шёлковые ширмы, свежие скатерти! — его голос сорвался на визгливую нотку. — И чтобы ни единой шутки про высоких гостей, слышали? Иначе познакомлю с Такеши-сама. Кто не знает, кем мне приходится начальник полиции!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.